

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ "GLOBUS"
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

**XI МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»
(19 июля 2016г.)**

г. Санкт-Петербург- 2016
© Научный журнал "Globus"

УДК 320
ББК 60

Сборник публикаций научного журнала "Globus" по материалам XI международной научно-практической конференции: «Общественные науки в современном мире» г. Санкт-Петербурга: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – С-П. : Научный журнал "Globus", 2016. – 48с.

Тираж – 300 экз.

УДК 320
ББК 60

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация организационного комитета конференции:

Научный журнал "Globus"

Электронная почта: info@globus-science.org.ua

Официальный сайт: www.globus-science.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Буряков Михаил Афанасьевич КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО ВИДА В СИМВОЛИЧЕСКОМ СВЕТЕ БОЖЕСТВЕННОЙ КОСМОГОНИИ	4
Морозова Маргарита Хакимшоевна ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ОБРАЗА ОГНЕННОЙ СТИХИИ В РОМАНЕ М. ПРИШВИНА «КАЩЕЕВА ЦЕПЬ»	9
Романенко Олеся Викторовна ЛЕКСИЧЕСКИЙ НАВЫК: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ	13
Субботина Татьяна Марленовна ЧЕХОВСКИЙ КОНТЕКСТ В РОМАНЕ И.Д. ВАСИЛЕНКО «ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗАМОРЫША»	17
Тимонина Татьяна Юрьевна ПРОБЛЕМА «УБИВАЮЩЕГО» СОЗНАНИЯ В РОМАНАХ А. МЕРДОК 1970-Х ГОДОВ	24

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Буйло Борис Иванович КОНЦЕПЦИЯ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И МЕСТО В НЕМ РОССИИ В ВОЗЗРЕНИЯХ ЕВРАЗИЙЦЕВ	29
---	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гук О.В. МОДЕЛЬ СТАЛОГО РОЗВИТКУ	37
Корниенко Сергей Андреевич ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ....	39

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рунаев Тимофей Александрович УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК МЕТОД ПОСТИЖЕНИЯ ПРОШЛОГО: АКТ ВСПОМИНАНИЯ В КОНСТРУИРОВАНИИ НАРРАТИВА ПАМЯТИ.....	44
---	----

ФИЛОЛОГИЯ

КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО ВИДА В СИМВОЛИЧЕСКОМ СВЕТЕ БОЖЕСТВЕННОЙ КОСМОГОНИИ

Буряков Михаил Афанасьевич

пенсионер,

г. Ишим Тюменской области

Категорию русского вида в данной работе предлагается рассматривать не как самостоятельное, а как зависимое от характера грамматического субъекта понятие. Не 'действие' своим отношением к своему абстрактному «пределу» определяет «вид», а субъект — к 'действию'. Это отношение в символах находит отображение в картине глоттогонического процесса на страницах Библии.

1. **Два библейских принципа называния.** Процесс номинации окружающего мира (создания языка) на страницах Библии обнаруживает две различные «стратегии», которые условно можно назвать стратегиями тождества и обладания. Первая проявляется при назывании всех объектов, кроме человека. Эта стратегия основывается на божественном подобии человека образу Божию: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему» (Быт. 1, 26). В лингвистике этот общеизвестный принцип предполагает отождествление предмета с характерным признаком и образование так называемой «внутренней формы», описанной А.А. Потебней: «ибо *трав*а — *тру(ти)* 'жрать', *зелена* — от *гар*, или *гр* — «светлый», *золото* — желтое, *бык* — ревуший, *волк* — режуший, *пчела* — жужжащая и т.п.; *стол* — *стлать*, *постилать* и т.д. [4, с. 90; 124-125; 138]. Отождествление объекта с действием происходит по причине принадлежности его человеку как **агенсу**. Однако для называния самого человека недостаточно было отождествиться в действии, поскольку созданная из ребра Адама жена и так составляла с ним одну плоть. Поэтому при ее назывании человек отходит от «стратегии действия» и называет ее через отношение обладания, характеризуя себя **бенефициаром**: *И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа»* (Быт. 2, 19-23).

2. **Отображение двух стратегий номинации в категории грамматического субъекта.** Данные стратегии, когда субъект выступает то в функции агенса, то бенефициара, пронизывают предикативную структуру и находят выражение в грамматических категориях и, прежде всего, в грамматической категории субъекта и связанными с ними категориями вида и залога. При этом обе функции не существуют изолированно, но актуализируют агентивную или посессивную структуру в «зоне взаимодействия» грамматического субъекта в зависимости от речевого задания.

3. Проявление функций агенса и бенефициара в категории глагольного вида. Так, в свете двух стратегий номинации проясняется хорошо известный историкам языка факт, а именно: значения категорий вида и залога выражались в древних языках одними и теми же морфологическими средствами: тематическими элементами и чередованием в корне [2, с. 269-270]. Это не удивительно, ведь обеими категориями субъект характеризует самого себя: в залоге — направленностью действия (*жители обустроили двор — двор обустроен жителями*), в виде — своим представлением о действии. Абсолютно тождественные предикативные отношения устанавливаются в форме настоящего актуального времени. В предложении *Ученик делает домашнюю работу* тождественные предикативные отношения выражаются личным окончанием *-ет*, указывающим на агенса, без которого 'действия' не может быть. В предложении *Ученик делал домашнюю работу* лексема *делал* является по происхождению причастием, которое сочеталось с вспомогательным глаголом **быть** (*есть делалъ*), указывавшим, что агенса теперь связан с 'действием' через субъекта-бенефициара отношением обладания. Благодаря этому 'действие' превращается в ментальную сущность («признак действия»), которую можно по сходству и различию с 'действием' назвать 'процессом', имеющим быть (в зависимости от речевого задания) в прошлом или желаемым в будущем. С исчезновением употребления вспомогательного глагола и редуцированием посессивной функции между 'процессом' и 'действием' устанавливаются тождественные отношения (как ранее между агенсом и 'действием'), приводящие к отождествлению агенса и бенефициара: категории лица и «нелица». Этот языковой процесс отразился в образовании аналитической формы лица, выражающейся сочетанием личного местоимения (агенса) с окончаниями рода и числа (бенефициар): *я (ты, он, они) сказал (сказала, сказали)*. Выбор прич. на *-лъ* в качестве общей формы прошедшего времени обусловлено его близостью к общеиндоевропейскому отглагольному прилагательному на **-lo*, лишенного четкой залоговой ориентации (ср. прич. со строго ориентированными суффиксами действительного залога наст. вр.: *-жщ-* и *-лщ-* (< о.-с. **-nt-*); прош. вр.: *-въш-* и *-ъш-* (< о.-с. *-ÿs-*) и страдательного залога (суфф. наст. вр.: *-м-* с тематическим гласным *-о-* и *-е-*; прош. вр.: *-н-* и *-т-*) [3, с. 215]; оно образуется в общеславянском языке «параллельно действительному причастию прошедшего времени», но почти не употребляется «в изолированном положении» и относится к «типу причастия предикативного» [3, с. 210-211].

3.1. Соотношение категории вида и аспекта. 'Действие' не «интересует», как оно протекает, поэтому в актуальном настоящем аспектные средства не нужны. Ср. *Смотри: он плачет* и некорректно * *Смотри: он поплакивает*. В последнем случае мы имеем дело уже с 'процессом', требующим ирреальных форм времени или модальности. Поэтому корректно сказать, выразив отношение начала 'процесса': *Великой князь сталь уже и поплакивать*. Записки Семена Порошина, 195. 1764 г.; или в прошедшем

времени: *Временами он изредка поплакивал* и т.д. В древности значение начала, конца, длительности, повторяемости, предела, результативности, состояния были не актуальны. Они получили значимость с расширением форм, отображающих ‘процесс’. Ср. в надписи на Новгородских кратирах (чаша для причастия) XII в.: **сь съсудь петриловъ и жены его варвары ѣи помози рабоу своему фьлорови братило делалъ**. Здесь форма **есмь делалъ** может быть переведена на современный язык как ‘я делал (собств. ‘я есть делавший’)’ и ‘я сделал (собств. ‘я есть сделавший’)’. Эта грамматическая форма, с точки зрения вида, противопоставлена не аористу (**дела**), или имперфекту (**делааше**), а форме настоящего времени (**делаетъ**), обозначающей ‘действие’, которое в принципе не имеет начала и не может быть завершено. Вопрос, который русская школьная грамматика задает для отличия «вида глагола» (*что делать? что сделать?*), на самом деле является аспектным. Собственно, видовым различием является только различие между грамматическими формами, выражающими ‘действие’ и ‘процесс’. А это, с одной стороны, синтетические формы настоящего времени (выражающие ‘действие’), а с другой стороны, аналитические формы прошедшего и будущего времени (выражающие ‘процесс’). Функционирование, например, грамматической приставки *с-* в прошедшем и будущем времени при ее отсутствии в настоящем времени свидетельствует о том, что оппозиция форм у данного глагола с приставкой и без приставки охватывает только ирреальные времена, отображающие ‘процесс’. Эта оппозиция служит отображению различных аспектных оттенков «процесса делания» как незаконченного (*делал* — имперфект), завершенного в прошлом (*сделал* — перфект) или имеющего быть (желаемого) в будущем (*сделает*).

3.2. Отражение видовой оппозиции глагола *быть* и модальных слов. Аналогичную функцию (причастию на *-л* в прошедшем времени) выполняет инфинитив с суфф. *-ть* (*-ти*). Но и здесь грамматические ограничения обуславливаются семантикой ‘процесса’ или ‘действия’. Так, например, форма сложного будущего (*буду делать*) образуется с инфинитивом без аспектного ограничения, характеризующего ‘процесс’ (ср. **буду сделать*), потому что вспомогательный глагол *быть* актуализирует отношения тождества, характерные для ‘действия’. Если вместо *быть* употребить модальное слово, выражающее посессивные отношения с предикативным признаком, такое сочетание (с инфинитивом, отражающим аспектные ограничения) становится допустимым, ср.: *могу (должен, хочу, способен* и т.д.) *сделать*.

3.3. Отражение видовой оппозиции супплетивными формами глагола *быть*. Классическую видовую оппозицию (‘действия’ и ‘процесса’) отображают супплетивные формы вспомогательного глагола *быть*. Форма настоящего времени *есть* обобщенно выражает тождественные предикативные отношения, в которых отображается агентивная структура с агентом и порождаемым им ‘действием’. Именно поэтому лексема *есть* не

способна к безличному употреблению, не имеет безличной формы, и, как справедливо отмечает Е. М. Галкина-Федорук, исследовавшая безличные предложения и понятие безличности, «употребляется только лично». Ср. *я здесь (без слова есть) — меня здесь нет (т.е. не есть) — безлично* [1, с. 195]. «Стратегия двух структур» в зоне взаимодействия грамматического субъекта позволяет увидеть в безличности проекцию посессивных отношений говорящего человека на агентивную структуру базовых предикативных отношений. Однако фактическое отсутствие безличной формы у глагола *есть* указывает на маргинальный характер такой проекции. Действительно, фраза *меня здесь нет* представляет логический нонсенс и может быть понята только в переносном смысле. Тогда как лексема *быть* имеет корректные безличные формы (3 л. ед. ч. прош. вр. ср. рода *было* и 3 л. ед. ч. буд. вр. *будет*), выражающие, как и любое эпистемическое суждение, различные степени неполного знания. Ср. *я здесь не был (лично) — меня здесь не было (безлично); вы здесь не будете (лично) — вас здесь не будет (безлично)* [1, с. 195]. Это обусловлено тем, что глагол *быть* содержит агентивную структуру лексемы *есть* в «снятом» виде, т.е. как субъекта, обладающего ‘процессом’, который имеет возможность быть представленным без агенса.

3.4. Роль глагола быть в процессе смешения категории вида и аспекта. Причина смешения категории вида с аспектными значениями в русском языке заключается в историческом ослаблении роли и постепенном устранении вспомогательного глагола *быть* при образовании ирреальных форм времени, приводящее к стиранию грани между ‘действием’ и ‘процессом’. Ибо, например, в древних перфектах *есть делалъ* и *есть былъ делалъ* вспомогательный глагол указывает на того же агенса, который выражается глаголом настоящего времени *делает*, т.е. *-ет: есть*, как *дела-: делалъ*, как ‘действие’: ‘процесс’. Поэтому современная синтетическая форма прошедшего времени *делал*, отображающая незавершенный ‘процесс’, ставится в оппозицию не с формой настоящего времени *делает*, выражающей ‘действие’, а с формой прошедшего времени *сделал*, обозначающей завершенный процесс.

3.5. «Одновидовые» и «двувидовые» глаголы как результат взаимодействия структур ‘действия’ и ‘процесса’. Об условности принятой в русской грамматике категории глагольного вида свидетельствует наличие в современном языке целого разряда одновидовых (несов. в.: *заискивать, присутствовать, сожалеть* и т.д.; сов. в.: *грянуть, молвить, очутиться* и др.) и двувидовых глаголов (*велеть, обещать, ранить, казнить* и т.д.), которые близки к интерпретативам [5, с. 145 и след.]. Например, двувидовой глагол *обещать* под отрицанием в 1 лице ед. ч. и без дополнения, как отмечает Ю.Д. Апресян, «имеет не отрицательное значение ‘не обещаю’, а несколько сдвинутое значение ‘вряд ли удастся сделать то, о чем ты меня просишь’» («слабое обещание»), ср. — *Так ты придешь? — Не обещаю* [5, с. 114]. Сдвиг значения невозможно объяснить признаками «предела», «за-

вершенности» или «незавершенности» действия. Объяснение приходит только при анализе структуры грамматического субъекта в соотношении с предикативным признаком. В форме 1 лица ед. ч. под отрицанием и без дополнения актуализирован бенефициар, который обладает ‘процессом’, подразумевающим какое-л. отношение субъекта к ‘действию’ и его ‘результату’. *Я не обещаю* — это не только ‘я не говорю или не произношу слов’, но, самое главное, ‘я не отвечаю за результат этих слов’ и ‘я не могу этого сделать’. Однако при актуализации агентивной структуры (‘действия’) благодаря сочетанию с дополнением и трансформации бенефициара в агенс в объектных формах 2-3 лица (*Я не обещаю этого; Он не обещает поддержки; Они не обещали помощи*) под отрицанием оказывается самое действие, что и изменяет значение лексемы *обещаю*.

3.6. **Будущее время как симбиоз ‘процесса’ и ‘действия’.** Форма будущего простого времени не может быть определена как выражающая чистую процессуальность, т.к. в зоне взаимодействия грамматического субъекта в простом будущем (благодаря реликту агенса — личным окончаниям) сохраняется материальное тождество агенса с субъектом-бенефициаром. Аспектный показатель (приставка *с-*) оказывается недостаточно контрастным для актуализации посессивных отношений и создания «семантического зазора» между субъектом и предикативным признаком. Поэтому простое будущее *я сделаю* звучит энергичнее и менее профетически сложного будущего *я буду делать*, в котором ‘процесс’ выражается аналогично формам претерита с помощью специального суффикса инфинитива *-ть (-ти)* (как суфф. *-л* в прош. вр.), ср. корректно: *я делал и буду делать*, и не корректно * *я делал и сделаю*.

Выводы. «Вид» в русском языке, как и в любом другом, — это способ представления субъектом приписываемого ему признака. Способов представления может быть два: ‘действие’ или ‘процесс’. При отображении ‘действия’ реализуются предикативные отношения тождества, которые организуются агенсом и выражаются формами настоящего актуального времени. При ослаблении отношений тождества агенс трансформируется в бенефициар, образуя «семантический зазор», позволяющий представить ‘действие’ в «виде» ‘процесса’. Бенефициар выражает свое отношение к ‘процессу’, характеризуя его протекание в различных языковых формах, которые в соответствии с установившейся традицией укладываются в вопросы *что делать?* и *что сделать?* Но характеристика ‘процесса’, вопросы и соответствующие им языковые формы относятся к категории аспекта и не затрагивают собственно видовой оппозиции ‘действия’ и ‘процесса’.

Список литературы

1. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012 г. — 336 с.
2. Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка: Морфология. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2010 г. — 312 с.

3. Мейе А. Общеславянский язык. Пер. с фр. Изд. 3-е. — М.: ЛИБРОКОМ, 2011 г. — 496 с.
4. Потехня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2010 г. — 240 с.
5. Языковая картина мира и системная лексикография. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур. 2006 г. — 912 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ОБРАЗА ОГНЕННОЙ СТИХИИ В РОМАНЕ М. ПРИШВИНА «КАЩЕЕВА ЦЕПЬ».

Морозова Маргарита Хакимшоевна

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, г.Елец.

Автобиографический роман Михаила Пришвина «Кашеева цепь», по собственному признанию писателя, представляет собой «сказку – и очень близкую к моей собственной жизни, и очень далекую» [3], в которой мир природы, представленный четырьмя фундаментальными силами – водой, землей, огнем и воздухом, – становится фундаментом авторского мировосприятия и олицетворяет философско-мифологическую картину мира, где реальность и миф – главные составляющие творческого метода автора – соседствуют друг с другом.

Образы природных стихий, постоянно встречающиеся на страницах произведений Пришвина, часто уходят своими корнями в представления древних людей о мире.

Огонь, наряду с тремя остальными стихиями, является одним из первичных материалов для создания Вселенной. Его символика двояка. С одной стороны, это опасное, разрушительное пламя, несущее гибель всему живому, с другой – это очистительный огонь, дарующий тепло и свет, олицетворяющее активное творческое начало.

Огонь, по мнению Г. Башляра, «представляет собой исключительное явление, способное объяснить все. Если все постепенные изменения можно объяснить самой жизнью, то все стремительные перемены имеют причиной огонь, обладающий избытком жизни. <...> Из всех явлений он один столь очевидно наделен свойством принимать противоположные значения — добра и зла. <...> Огонь противоречив, и потому это одно из универсальных начал объяснения мира» [1, с.19]

Огненная стихия в романе рассматривается не изолированно, а в тесной связи с остальными природными образами-символами, которые помогают раскрыть авторскую концепцию мира и личности.

Стоит отметить, что огненная стихия в творчестве Пришвина – один из устойчивых образов-символов, выступающий в различных своих воплощениях (свет, солнце, луна, звезда, весна и т.д.) метафорой Бога, греха, святости, жизни, разума, эмоций. В «Кашеевой цепи» представлено несколько видов огня: во-первых, Божественный огонь в различных своих воплощениях (пламя апокалипсиса и свет Истины), во-вторых – огонь как «общепринятое иносказательное обозначение страсти».

Первый огонь, с которым читатель встречается в романе, – это очистительное пламя апокалипсиса. Огненное преобразование мира – одна из ключевых идей, лежащих в основе Священного Писания. Образ карающего божественного пламени охватывает христианское сознание целиком – от высокого библейского слога до бытового мышления. Маленький Курымушка, мучимый тайной сушеной груши и кровавого гусака, постоянно «держит ум во аде», представляя картины Страшного суда: «тайну легко выдать за обедом <...>, и вдруг огненно покраснеешь, – раз обмануть, два обмануть, но когда-нибудь догадаются. Спасение тут бывает одно: <...> нужно самому прошептать «кровавый гусак», и тогда встают перед глазами ужасные картины: и ад, и сатана, и небо по краям загорается, конец мира наступает, архангел трубит, встают мертвые» [3].

На протяжении романа отношение автобиографического героя к Страшному суду претерпевает существенные изменения. Детский страх Курымушки отступает и затем исчезает вовсе, когда в четвертом классе гимназии Миша Алпатов расстаётся «с детской верой в бога» и начинает заниматься подпольной деятельностью: «Алпатов сидит за столом, сверяет рукописи с подлинником, не сделал ли он какой-нибудь ошибки, так ли передал пророчество Бебеля о мировой катастрофе. Сто раз и больше читал он это место про себя, и потому представление мировой катастрофы стало у него пульсировать с кровью, исчезать и появляться в красном зареве, как было в детстве, когда няня говорила: «Затрубит архангел на горе, загорится край земли с неба». Только тогда это было, как последний жестокий расчет с жизнью, вроде сожжения Содома; теперь же не конец, а начало жизни совершенно иной» [3, с.208]. Конец исторического времени, по мнению автора и его alter-ego, не является абсолютным концом. Несомненно, Пришвин испытал на себе сильное влияние стоиков с их учением о сгорающем и вновь возникающем из огня мире.

Наряду с уничтожающим пламенем, огонь в библейской символике ассоциируется со светом. В творческом дискурсе Пришвина символике Света отводится определяющее значение. Свет является одной из главных составляющих художественного мира писателя.

Весна света – первая из трех весен, когда в природе и во всем мире торжество Света: «Настал великий праздник весны света. Ранним утром все сошлось вместе. Солнце вставало в красном, мороз в белом, луна в бледно-зеленом, звезда без одежды: утренняя звезда была сама голубая» [3, с.242].

Сложные антитетические отношения света и тьмы «в отношении просвещенности и непросвещенности» находят в философских размышлениях Пришвина, испытавшего на себе безусловное влияние платонизма, весьма специфичный выход – отвернуться от Света, чтобы «внимательно рассмотреть все, что находится в области его отражения, сознавая двойственную природу тени, несущей в себе отпечаток истинного бытия» [3, с.51]: «Друг мой, – шепчет голос, посвящающий в тайну, – не входи до срока в алтарь

исходящего света, обернись в другую сторону, где все погружено во мрак, действуй тут силой, почерпнутой из источника, и дожидайся в отважном терпении, когда голос мой позовет тебя принять свет прямой» [3, с.349].

По мнению Пришвина высшей целью каждого человека является восхождение к Свету, однако подобно летящим на огонь и сгорающим в нем мотылькам, глядящие на него «до срока» люди слепнут, будучи неподготовленными к его созерцанию: «...Вот, милый друг, вспомните, наверно, и вы в своей жизни встречали не раз странных людей, которые, однажды увидев какой-то яркий свет впереди, идут на него, пока не ослепнут. <...> Мы все <...> продвигались по тому же опасному пути, пока не спасла нас простая догадка, что к источнику ослепляющего нас света нужно обернуться спиной и смотреть не туда, в светило, а на освещенные им предметы» [3, с.378].

Оба отрывка представляют собой отсылку и интерпретацию к знаменитому аллегорическому мифу Платона о пещере, в которой живут люди. «С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине» [2, 85]. Чтобы безбоязненно смотреть на «свет прямой», человеку необходимо соблюдать постепенность: «начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем – на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом – на самые вещи; при этом то, что на небе, и самое небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и, его свет» [2, 85].

Кроме того, огонь является ипостасью метафоры, выражающей сильные чувства и эмоции. Чаще всего энергия огненной стихии выражается во внешнем облике героя, в его глазах – «зеркале души». Злой, ненавидящий взгляд несет в себе огонь разрушения. Так, глаза учителя географии, Козла, сыгравшего роковую роль в жизни Алпатова, сравниваются с кометами, которые считались предвестниками несчастий. Увидеть комету считалось дурным предзнаменованием: «Своими зелеными глазами учитель стал перекидываться от лица к лицу. Алпатов упорно смотрел, и когда встретил, то видел, как они зло вспыхнули и остановились, как две кометы – злейшие на всем небе светила» [3, с. 96], и сразу же после спора Мишу Алпатова исключают из гимназии. Большие черные глаза Марии Ивановны, матери главного героя, «сверкают вдоль стола, как молнии» [3, с.160-161]. Молодая вдова Паша, преследуемая Чуркой, «взбеленная гневом, встала, зажгла огонь и села за кросна [3, с.436].

Не случайно Пришвин использует метафору, сравнивая взгляд персонажей с кометой и молнией, которые рассматривались как проявления божественного гнева. С ее помощью усиливается психологическое напряжение, овладевшее героями в момент противостояния.

С образом очистительного огня в «Кашеевой цепи» тесно связан мотив сгорания/сожжения.

Мучимый любовью лихорадкой, автобиографический герой в сцене разрыва с прошлым, неосознанно обращается к этому ритуалу – он сжигает в костре все, что связывает его с Инной Ростовцевой: «Вспоминаются большие хвойные деревья и на них всегда сухие торчки. Ощупью находит сосну, обламывает сучки, достает из сумки спички, зажигает, и освещается большая сушина. Разгорается костер.

– Теперь гори все!

Горят бумаги, и сухие розы, и роскошная белая шелковая, шитая гладью шаль...

– Гори все!

Долго не может оторваться от карточки и разглядывает ее, прислонясь к кусту можжевельника, при свете костра. Сколько раз казалось ему это лицо двойным, скрывающим ведьму. Какая это ведьма, просто милая девушка, счастье...

И бросает счастье в огонь» [3, с.435].

В данной сцене имплицитно присутствует обряд инициации Алпатова. Процесс сожжения, на наш взгляд, можно интерпретировать как акт умирания героя в прежнем своем качестве и последующее возрождение в новом. Здесь сожжение памятных вещей, а вместе с ними – метафорически – и всех чувств к несостоявшейся невесте, символизирует окончательное освобождение героя от гнета прошлого. Мучительная страсть сменяется чувством покоя.

Прошлое Алпатова сгорает в огне, и от огня же начинается его будущее «без Инны». Проснувшись на рассвете, он видит, как «птицы спешат на ток, садятся на деревья, смотрят сверху на Токовика и спускаются на токовище. А серое одеяло еще приподнимается, и тут оказалось, надо спешить: праздник давно уже начался. Тогда, став против этой лучезарной полосы, Токовик поднимает вверх свою хвостовую лиру, голову опускает к самой земле. Напряженно краснеет на голове его огненный цветок, крылья страстно трепещут, касаясь земли, и так он начинает свою серенаду. Поет и движется по кругу, как светила, как весь мир, и первосвященником проходит в святые ворота с приподнятой лирой, неся огненный цвет у самой земли» [с.441-442].

Здесь наблюдается эксплицитная связь огня земного и огня небесного – солнца, поскольку огонь считался его частицей: «Все младшие делают, как Токовик, их отдельные серенады сливаются, и вот эта их хоровая песня во славу расцветающей от солнца земли далеко, за версты, наполняет души случайно не спящих людей тоской о настоящей родине в какой-то забытой стране.

«Вот оно что! – догадался человек, лежащий в кусту можжевельника. – Вот она где моя родина, я не один». И, затаив дыхание, стал при начи-

нающем свете ближе и ближе все узнавать и открывать в забытой стране» [3].

Таким образом, в художественном пространстве романа «Кашеева цепь» образ огненной стихии функционально многомерен и обладает амбивалентной семантической структурой. Кроме того, этот древнейший образ-архетип становится в прозе М.Пришвина художественной доминантой, способствующей созданию единой и целостной картины мира.

«Список литературы»

1. Башляр Г. Психоанализ огня. М.: Прогресс, 1993. - 176 с.
2. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т.3. М.: Мысль, 1990–1994
3. Пришвин М.М. Кашеева цепь // Собрание сочинений: В 8-ми т. -М.: Художественная литература, 1982. Т.2. - 482 с.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ НАВЫК: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Романенко Олеся Викторовна

кандидат филологических наук,

Поволжский государственный университет телекоммуникации и информатики, Оренбург

В государственном образовательном стандарте общеобразовательных учреждений (школ, ВУЗов) ключевой целью обучения иностранному языку является овладение иноязычным общением на достаточном уровне коммуникативной компетенции в говорении, письме, чтении и аудировании. При этом уровень владения коммуникативными компетенциями предусматривает, прежде всего, качественное овладение лексической стороной речевой деятельности, поскольку лексика является важнейшим компонентом всех речевых действий (аудирования, говорения, письма, чтения).

Проблема формирования лексических навыков является одной из наиболее важных проблем обучения иностранному языку. Лексические навыки представляют лексическую сторону речи, они являются компонентами речевых умений, и образуют фундамент для обеспечения использования языка как средства общения [9, с. 120].

Что же такое лексический навык, и какие психолого-педагогические аспекты лежат в формировании лексической стороны языка?

Прежде чем подходить к трактовке понятия лексический навык и к выделению его компонентов обратимся к словарю за объяснением терминов «лексика» и «навык».

Лексика – это совокупность слов (словарный запас) того или иного языка. Слова, которые человек использует в своей устной и письменной практике составляют его активный словарный запас.

Под *навыком* в педагогической литературе понимается доведённое до автоматизма умение решать тот или иной вид задачи [1, с. 22]; умение, приобретенное упражнениями, созданное привычкой [2, с. 10]; приобретённое в результате научения и автоматически осуществляемое движение, неизменно приводящее к вполне определённым результатам, не требующее сознательного контроля и специальных волевых усилий для его осуществления [8, с. 368].

Данные определения очень схожи с понятием навыка в методике обучения иностранному языку, трактующим навык как упрочнившийся благодаря упражнениям способ действия, совершаемый человеком без участия сознания.

Понятие «лексический навык» в методике обучения иностранным языкам рассматривается с различных точек зрения. Одни ученые рассматривают лексический навык как самостоятельный элементарный навык (Р.К. Миньяр-Белоручев, Е.И. Пассов), другие как совокупность определенных навыков (В.А. Бухбиндер, С.Ф. Шатилов и др.).

Р.К. Миньяр-Белоручев считает лексический навык компонентом речевого навыка, самостоятельным элементарным навыком [6, с. 169]. В.А. Бухбиндер различает в лексическом навыке способность сочетать лексические единицы друг с другом и способность включать элементы речевых образцов в речь [3, с. 15]; С.Ф. Шатилов выделяет в лексическом навыке два компонента: словоупотребление и словообразование [9, с. 120].

Комплексное объяснение данного термина представлено у Е.И. Пассова: «Лексический навык есть синтезированное действие по выбору лексической единицы (ЛЕ) адекватно замыслу и ее правильному сочетанию с другими, совершаемое в навыковых параметрах и обеспечивающее ситуативное использование данной лексической единицы в речи» [7, с. 132].

Лексический навык, как и другие навыки, характеризуется автоматизированностью, гибкостью, устойчивостью, самостоятельностью, обусловленностью, репродуктивностью и лексической оснащённостью. Он оперирует лексическими единицами, словами, устойчивыми словосочетаниями и готовыми фразами.

Поскольку в основу лексического навыка входит овладение лексикой изучаемого языка, а лексика – это совокупность слов определенного языка, то обратимся к сущности и функциям слова.

Слово – «центральное звено в речевой деятельности обучаемого» – оно не только обозначает вещь, выделяя её признаки и относя её к определённой категории, но и производит автоматическую работу по анализу предмета [4, с. 32]. Слово включает два основных компонента: предметную отнесённость и его значение. Значение слова связано с функцией выделения отдельных признаков в предмете, обобщения их и введения предмета в известную систему категорий.

Слова существуют в нашей памяти не изолированно. Они включены в сложную систему лексико-семантических отношений, которая интегрирует

два типа структурных отношений на уровне лексической единицы - парадигматические и синтагматические.

Синтагматические связи — это уровень линейного развёртывания, уровень синтагмы, соединения слов в словосочетании и предложении. Синтагматические ассоциации характерны для младших школьников, которые связывают слово «стакан» со словом «молоко», а прилагательное «хороший» со словом «мальчик». С 9—10 лет преобладающим становится категориальное мышление, а следовательно, и парадигматические связи, когда «хороший» начинает ассоциироваться с «плохим», а «стакан» с «кружкой» и т.д.

Парадигматические связи непосредственно связаны с различными уровнями грамматических, фонетических и других парадигм (например, парадигма образования множественного числа существительных, чтения гласных в различных типах слогов и т. д.). Они представляют собой некий вертикальный срез [4, с. 34].

Парадигматические, или вертикальные, связи слов включают не только лексико-грамматический уровень, но и семантический, куда входят синонимы, антонимы, другие слова близкие по контексту [4, с. 34].

При формировании лексического навыка установление прочных парадигматических связей слов является необходимым, поскольку как доказали психофизиологические исследования, именно эти связи обеспечивают прочность запоминания, а значит, и мгновенный вызов слова из долговременной памяти. Без этого навык соединения слов друг с другом на уровне синтагматических связей может оказаться бесполезным [5, с. 28].

Для того, чтобы в процессе обучения произошло расширение словарного запаса и успешное формирование всех компонентов лексического навыка (звуковой формы лексической единицы, лексико-семантическая сочетаемость слов, речевая задача), необходимо соблюдать основные принципы, закономерности процесса обучения лексическому аспекту языка:

1) принцип рационального ограничения словарного минимума учащихся средней школы, включающий наиболее употребительные слова, устойчивые словосочетания и выражения, речевые клише;

2) принцип регулярного использования актуально выученных лексических единиц при введении и объяснении нового лексического материала;

3) принцип учёта языковых свойств лексических единиц: графико-акустическое оформление каждой группы единиц, их семантика, структура и сочетаемость;

4) принцип учёта дидактико-психологических особенностей обучения: каждая лексическая единица на всех ступенях обучения получает постепенное, последовательное и расширяющееся раскрытие своих особенностей в условиях системной и интенсивной тренировки и речевой практики;

5) принцип комплексного решения основных дидактико-методических задач: решаются задачи формирования реального словаря, расширения потенциального словаря и развития лексической догадки;

6) принцип единства обучения лексике и речевой деятельности: окончательная цель словарной работы достигается при завершении формирования лексического механизма, входящего в основные виды речевой деятельности [10, с. 80].

Не только педагогические методики, но и психологические факторы лежат в успешном развитии и долговременном хранении словарного минимума в памяти учащихся. Так, соблюдение следующих факторов в процессе обучения иностранному языку способствуют активному расширению словарного запаса при работе с лексикой:

- психологическое и функциональное состояние учащихся к моменту обучения;

- самостоятельность учащихся на занятиях и в процессе порождения устного высказывания;

- актуализация личностного смысла учащихся в процессе занятий по иностранному языку;

- учет зрительной, слуховой, моторной памяти учащихся;

- потребность учащихся в употреблении новых лексических единиц;

- совокупность и активизация мыслительной деятельности учащихся;

- принцип произвольного запоминания формы новых лексических единиц.

Работа над лексикой иностранного языка должна строиться таким образом, чтобы весь лексический материал усваивался логически и сознательно. Правильно осознав и сопоставив значение, положенное в основу понятия слова, учащийся правильно усвоит это понятие, а, следовательно, и лексический материал.

Не только работа над лексическими единицами, но и их запоминание должно быть основано на логическом заучивании. Осмысленное запоминание представляет собой активную работу мышления и включает установление причинно-следственных отношений, анализ, синтез, индуктивные и дедуктивные умозаключения, поэтому система упражнений должна опираться на данные мыслительные процессы.

Регулярное повторение лексических единиц является также важным условием прочного усвоения лексики. При этом повторения должны происходить в измененных контекстах, так чтобы учащиеся в процессе изучения какого-то нового материала опирались на уже ранее приобретённые лексические навыки.

Завершающимся этапом становления лексического навыка является его автоматизированное воспроизведение.

Список литературы

1. Александрова В.В. Особенности формирования навыков при обучении математике по системе Д.Б. Эльконина – В.В.Давыдова// Начальная школа. – 2005.- № 3.- С. 22-25.
2. Банкевич Л. В. Тестирование лексики иностранного языка: учеб. пособие /Л.В. Банкевич. – М.: Высш. шк., 1981. - 112 с.
3. Бухбиндер В. А. Развитие лексических навыков устной речи// Очерки методики обучения устной речи на иностранных языках. – К., 1980. – С.14-31.
4. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения / А. Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – 318 с.
5. Лурия А. Р. Обучение иностранному языку в начальной школе / А. Р. Лурия. – М., 1999.
6. Миньяр-Белоручев Р. К. Методика обучения французскому языку / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М.: Просвещение, 1990. – 223с.
7. Пассов Е. И. Основы методики обучения иностранным языкам / Е. И. Пассов. - М.: Русский язык, 1977. – 214с.
8. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. - М.: Русский язык, 1987. - 565с.
9. Шатилов С. Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе: учеб. пособие для студ. пединститутов / С. Ф. Шатилов. - М.: Высшая школа, 1986.-212 с.
10. Шевелева Л.В. Лексикология современного немецкого языка: Курс лекций: учеб. пособие / Л. В. Шевелева. – М.: Высш. Шк., 2004. – 240 с.

ЧЕХОВСКИЙ КОНТЕКСТ В РОМАНЕ И.Д. ВАСИЛЕНКО «ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗАМОРЫША»

Субботина Татьяна Марленовна

кандидат филологических наук, доцент

Таганрогский институт

имени А.П. Чехова (филиал)

*ФГБОУ ВПО «Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ)»*

г. Таганрог

Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-04-00237а «Историко-культурный и символический облик провинции в творчестве А.Чехова».

Иван Дмитриевич Василенко, автор романа «Жизнь и приключения Заморыша» (1962), большую часть жизни провёл в Таганроге, где всегда бережно относились ко всему, что связано с Чеховым, знал и любил чеховские произведения, обращался к ним в педагогической и писательской деятельности. В прозе Василенко легко обнаруживаются чеховские «следы»,

чего сам писатель и не скрывает. «Он влюблен в Чехова, подчинен его влиянию, дышит одним воздухом с ним, пытается ему подражать», - говорит об авторе «Заморыша» И. Рахтанов [4, с. 572].

Однако нам представляется, что связь между творческой манерой И.Д. Василенко и А.П. Чехова не ограничивается сознательным подражанием младшего старшему, начинающего автора маститому писателю. Безусловно, Василенко учится у знаменитого земляка. Чехов важен для Василенко и как личность, и как автор вполне определённого набора текстов, которые помогают молодому писателю выбрать действительный идеал для самоидентификации и направляют творчество. Внимательное прочтение романа «Жизнь и приключения Заморыша» позволяет сделать вывод о том, что в данном случае литературная преемственность имеет не только генетический, но и типологический характер, который объясняется принадлежностью двух писателей к общему пространству коллективной культурной памяти. При этом обращения к арсеналу культуры у Чехова и Василенко зачастую инициируются воспоминаниями о таганрогской жизни. На примере «Жизни и приключений Заморыша» попытаемся рассмотреть различные аспекты подобного взаимодействия и охарактеризовать специфические формы присутствия Чехова в прозе Василенко.

Роман «Жизнь и приключения Заморыша» – последняя книга для детей И. Василенко – повествует о детстве и взрослении Мити Мимоходенко. Из всех персонажей писателя именно Митя-Заморыш наиболее близок автору биографически. В пяти повестях, составляющих роман, рассказывается о том, как мальчик-половой из «чайной-читальни» растёт, поступает в школу, обретает и теряет друзей, меняет профессии, учится в институте.

Город, на фоне которого развёртываются события «Заморыша», собственно есть образ Таганрога начала XX века, именно чеховского Таганрога, хотя в романе он никак не поименован. Детский писатель идет по следам своего знаменитого предшественника, описывая Петропавловскую улицу, Каменную лестницу, базарную площадь, греческий монастырь – те таганрогские по прототипике локусы провинциального города, которые уже отражены в известных чеховских произведениях.

Чехов присутствует в «таганрогском» романе Василенко одновременно в нескольких ипостасях: упоминаются (прямо и косвенно) отдельные его произведения, сам Чехов выступает не только как автор любимых книг, но и как действующий персонаж, а также как олицетворение некоторой абсолютной истины, к которой апеллирует в авторских отступлениях повествователь.

Наиболее активно из всех чеховских произведений представлен в тексте романа Василенко рассказ «Каштанка». Сама «книжка с картинками» о приключениях собаки функционирует как полноправный персонаж романа: к ней Митя и его верная подруга Зойка обращаются за помощью в трудную минуту, её, как самую большую ценность, дарит герой девочке Дэзи, в которую влюблён.

«Каштанка» выведена в тексте романа именно как «книжка», то есть текст, который, помимо словесного воплощения, существует «вещно»: зрительно («на картонном переплёте был нарисован уличный газовый фонарь, <...> бритый мужчина в шляпе-цилиндре, в шубе нараспашку <...> внизу, у его ног, жалась собака, похожая на лисицу»), и даже обонятельно-осязательно: «Книга пахла краской, как и та материя, из которой путешественник сшил мне брюки» [1, с. 60]. Василенко абсолютно точно передаёт особенности первичного восприятия ребёнком книги с приматом интереса к иллюстрации как визуальному пути познания окружающего мира.

Чтение «Каштанки» отвлекает девятилетнего Митю-Заморыша от детских обид и грустных мыслей («Умирать мне уже не хотелось, а хотелось узнать, что будет дальше с Каштанкой» [1, с. 61], открывает перед мальчиком из бедной семьи новый яркий мир. Оказавшись спустя некоторое время на цирковом представлении, он переживает «узнавание» цирковых реалий: «Цирк – это что? Это где Каштанка нашла своих хозяев?» [1, с.79].

В полном соответствии с законами детской психологии Заморыш ассоциирует с героем полюбившегося произведения то самого себя, то «рыжую» Зойку. Поскольку главный персонаж чеховского рассказа собака, подобная ассоциация вызывает комический эффект и рождает приём остранения, тоже заимствованный у Чехова.

Мир «остраняется», перестаёт быть привычным у Василенко, как и у Чехова, прежде всего, во сне. В чеховском рассказе Каштанка, засыпая, видит Федюшку, который сначала играет с мохнатым пуделем, потом сам превращается в собаку: «Каштанка и он добродушно понюхали друг другу носы и побежали на улицу...» (6, 434). В романе Василенко во сне Мити в роли Каштанки выступает он сам: «...мне приснилось, будто собака, похожая на лису, застряла в снежном сугробе, поднимает к мордочке то одну, то другую лапку и дует, чтобы согреть их...» [1, с. 61]. Сравним с текстом чеховского рассказа: «Молодая рыжая собака — помесь такса с дворняжкой — очень похожая мордой на лисицу, бегала <...> по тротуару и беспокойно оглядывалась по сторонам <...> плача, приподнимая то одну озябшую лапу, то другую» (6, 430).

Таким образом, у обоих писателей ребёнок и собака мыслятся родственно, как «естественные» персонажи, противопоставленные большому взрослому миру. В произведении Василенко эта идея выражена благодаря авторскому отсылу к тексту источника, в том числе, прямому цитированию.

Чеховская цитата живёт в романе о Заморыше собственной жизнью. Иностилевые включения в произведении Василенко функционально и стилистически адаптируются. В новом контексте они могут быть просто комическими. Так, рыжая Зойка переименовывает с точки зрения близкой ей этимологии название крема от веснушек — «Мадам Морфо́за». Слушая чтение «Каштанки», девочка бурно реагирует на фразу «метаморфо́за, случившаяся с хозяином...»: «Что, что? С хозяином «Мадам Морфо́за» случи-

лась?» [1, с. 66]. Лёгкий комический эффект постепенно усложняется социальным подтекстом. Размышления Каштанки о том, что у её нового хозяина обстановка победнее, чем у столяра («диван, кресло, ковры, а у старого – верстак, куча стружек, лохань» (6, 433)), в контексте душевных мук героя Василенко, переживающего ситуацию социальной обиды, обретают функцию цитаты-аргумента: «А что ты думаешь<...> Может, собака и правильно решила задачу» [1, с. 61].

В последующих главах романа, рассказывающих о взрослении Мити Мимоходенко, чеховская цитата, приобретая всё большую смысловую насыщенность, становится формой выражения мировидения героя. Восребованность чеховской цитаты в художественном творчестве Василенко может быть объяснена влиянием таганрогской топики. Герой романа воспринимает окружающие его городские и сельские пейзажи посредством двойного зрения: то, что он наблюдает сам, уже было увидено и описано великим предшественником. В художественной топографии города у авторов «Каштанки» и «Заморыша» выделены одни и те же локусы: центральная улица с фонарями, цирк, «конно-железка», при этом именно цирк становится центром пространства взросления для героев. Более того, сюжетная модель истории Каштанки, прошедшей испытание цирком, у Василенко повторяется дважды: не только в событиях из жизни Мити-Заморыша, но и в приключениях его подружки – девочки с железнодорожного переезда Зойки.

Ссылка на известный чеховский текст иногда просто подменяет авторское слово в романе Василенко: «Я шёл по мягкой дороге, и мне припоминалось, что всё окружавшее меня было описано Чеховым в повести «Огни»: и ветряная мельница на углу городского кладбища, и заброшенное четырёхэтажное здание бывшей мукомольни, в котором «сидит эхо», и плешивая роща, и синее море слева дороги, и бесконечная степь справа от неё» [1, с. 343]. И «мягкая дорога», и «кладбище», и «плешивая рощица», и «заброшенное четырёхэтажное здание», и «бесконечная степь» - это прямые цитаты из упомянутого чеховского рассказа, даром что употреблены без кавычек. Более того все перечисленные локусы являются важными знаками пространственной картины мира у Чехова. Однако и в этом случае за цитатой угадывается присутствие второго автора. Море у Василенко не «голубое», как у Чехова, а синее, как в сказках, а в характеристике степи утрачен важный чеховский эпитет «хмурая». Подобная адаптация цитаты под нового рассказчика легко объясняется тем, что Митя Мимоходенко ещё совсем молод и ему свойственна романтическая идеализация окружающего.

Размышления юноши о судьбе интеллигенции, лучшие порывы которой уничтожает обывательщина, также представляют собой непосредственный отсыл к чеховскому тексту: «Или, например, доктор Корнеев: он читает в коммерческом клубе публичные лекции на темы: «Альтруизм и эгоизм», «Свет и тени нашей жизни», с горечью говорит о Беликове и Ио-

ныче – как же может он предупреждать через горничную своих пациентов, что за визит следует платить не меньше трёх рублей?» [1, с. 306].

Безусловно, чеховские реминисценции обретают в романе Василенко новый идеологический вектор. Не стоит забывать о том, что Василенко как писатель складывается в эпоху, когда задачей молодых авторов декларативно объявляется «учёба у Чехова», предварительно очищенного от «чеховщины» [5, с. 374]. По мере развития сюжета «советский» подход к чеховской цитате всё больше даёт о себе знать. Такова, например, трактовка рассказа «Архиерей» в заключительной части романа: «Помнишь, в рассказе «Архиерей» Чехова монах Сысой говорит, что у купца Еракина электричество зажгли и что ему, Сысою, «не ндравится» это<...> Пройдёт несколько лет, и российские попы-академики приспособят наших сысоев освещать храмы электричеством и крутить в них кинокартины» [1, с. 497]. Происходит отталкивание от чеховской модели рефлексии - в духе новой советской мифологии и характерного для неё образа вражеской силы.

Рассмотренный нами материал позволяет судить об имплицитном присутствии Чехова в романе Василенко «Жизнь и приключения Заморыша». Однако есть и другая ипостась его присутствия – эксплицитная, в качестве персонажа. Оказавшись после серии приключений в Ялте, мальчик Митя и его взрослый друг и защитник Пётр в поисках заработка останавливаются у забора одной из дач: «Я увидел белый дом, сад, яму с водой, садовую скамейку. На скамейке сидел человек с тёмной бородкой и усами. Бледным пальцем он тёр себе висок и прикрывал глаза так, будто ему больно смотреть» [1, с. 113]. Человек говорит с прирученным журавлём «глухим голосом», гладит его по крылу, и, закашлявшись, отправляет умную птицу «к Маше», которая для неё «кое-что припасла» [1, с. 113].

Писатель прибегает к приёму опережающего читательского восприятия. Ни Митя, ни Пётр ещё не понимают, что перед ними сам Чехов, но образованный читатель уже обо всём догадался. Читатель знает и о Белой даче, куда Антон Павлович перебрался вместе с матерью и сестрой Машей в 1898 г., и о тяжёлой болезни Чехова. Более того, внешний облик Чехова знаком читателю преимущественно по портрету О.Э. Бразы – пожалуй, самому известному из прижизненных изображений писателя. Словесное изображение Чехова в малейших деталях повторяет этот портрет. И тут Василенко биографически точен: Браз писал портрет Чехова в Мелихове в июле 1897 г., но в марте 1898 г. практически переделал работу, т.е. как раз ко времени переезда Чеховых в Ялту.

Самому Чехову и второй портрет не казался удачным: («...портрет мне не кажется интересным. Что-то есть в нем не мое и нет чего-то моего» (М. П. Чеховой, 28 марта/9 апреля 1898 г.). Однако недвусмысленное обращение Василенко именно к этому изображению проясняет в романе статус образа мифологизированного Чехова. Мифологизация общественно значимой фигуры, особенно писателя, является, по словам Е.А. Мелетинского, важной чертой общественного сознания и литературы XX века:

«Мифологизм является характерным явлением литературы XX в. и как художественный прием, и как стоящее за этим приемом мироощущение» [2, с. 295].

Итак, Чехов в романе не столько реальный человек, сколько своеобразный культурный знак. Не случайно Митя-Заморыш, не узнавший писателя, вначале предполагает, что он дрессировщик, однако образ дрессировщика в сознании ребёнка и в художественном мире романа уже клиширован («Из «Каштанки» я знал, что мистер Жорж был бритый, толстенький и в цилиндре» [1, с. 113]. «Нет, - сказал я, - на дрессировщика он не похож, а похож на того доктора, который лечил нас с Машей» [1, с.113] – и в общем мальчик не ошибся...

Миф о Чехове в романе – это миф о защитнике слабых, больных людей, которым больше неоткуда ждать поддержки. Случайный сосед Мити и Петра по ночлегу, тяжело больной туберкулёзом учитель (этой же ночью он умирает), рассказывает о том, на какие жертвы пришлось пойти его семье, чтобы он смог отправиться на лечение в Крым: «И что же? Прилёт я вчера под сосной в парке, а сторож меня в три шеи прогнал... Читал я обращение Антона Чехова ко всем имущим людям: помогите, взывает писатель, построить санаторий для бедняков, больных туберкулёзом! Но что-то санатория этого не видно: у имущих совесть жиром обросла, не скоро к ней человеческое слово доходит» [1, с. 114].

И здесь Василенко достаточно точен. Не совсем понятно, правда, о каком из воззваний, подписанных Чеховым, идёт речь (в сентябре 1899 г., в «Крымском курьере» появилось воззвание «В пользу нуждающихся приезжих больных», а в 1903 г. – воззвание «Ялтинского благотворительного общества»), однако в контексте мифа о Чехове эта информация, наверное, не столь важна. И в том, и в другом документе речь идёт о необходимости строительства санаториев для бедных служащих и студентов, о том, что приезжающим в Ялту на лечение людям «с весьма ограниченными средствами <...> приходится жить в крайне неудовлетворительных условиях в отношении квартиры, стола и ухода» (16, 372); «их не принимают в официальные санатории, их боятся другие больные, и потому их избегают пускать к себе содержатели гостиниц, пансионов и меблированных комнат» (18, 92-93).

М.А. Мурина, комментируя историю участия Чехова в строительстве ялтинского санатория для бедных, раскрывает механизм мифологизации облика Чехова в общественном сознании: «К рубежу веков даже бытовой облик Чехова окутан обертонами эталонного свойства настолько, что любые слухи о каких-либо благородных поступках расценивались как вполне чеховские и даже бывали писателю приписанными. Так, без проверки, полагаясь лишь на устный рассказ, но в полной уверенности, что переданная кем-то ложная информация соответствует нравственной роли этого человека, сотрудники «Новостей дня» публикуют информацию о том, что яко-

бы Чехов открывает в Крыму санаторий для земских учителей. <...> Но некорректные действия газетчиков не были подтасовкой: они согласовывались с зарождающимся процессом мифологизации Чехова» [3, с. 20].

Чехов как защитник слабых и обездоленных противопоставлен в контексте ялтинских сцен романа царю. Именно царь, по метафорическому выражению Петра, «убил» больного учителя, который уповал на помощь Чехова («Я, конечно, и раньше знал, что царь может любого человека и казнить, и помиловать, но чтоб царь ходил ночью по дворам и убивал тех, кто его укоряет...») [1, с. 115]. Царь, церемонно проезжающий по Ялте, показан в окружении ревушей толпы; Чехов находится в отстранённом от внешнего мира уединении дачи; царь совсем не похож на своё официальное изображение («царь был курносый, русский и мало похожий на свой портрет» [1, с. 116]), в то время как Чехов внешне идентичен своему знаменитому портрету; в ответ на приветствия толпы («страшный крик») «царь только лениво прикладывал два пальца к картузу» [1, с. 116], Чехов же, которому на пристани уступали дорогу, «а многие снимали шляпы и кланялись», застенчиво отвечал на поклоны, покашливал и немножко сутулился, будто хотел пройти незаметно» [1, с. 121].

Таким образом, внешне непритязательное повествование о приключениях Мити-Заморыша в романе Василенко скрывает глубокий и достаточно сложный диалог с Чеховым. Чехов представлен в романе, во-первых, как реальное лицо, с комплексом индивидуальных биографических и личностных особенностей, во-вторых, как своеобразный персонаж, в-третьих как автор известных произведений в его внутритекстовом воплощении. Василенко творит собственный миф о Чехове, выходя за рамки сугубо писательской задачи, открыто пропагандируя свой нравственный и эстетический идеал.

Список литературы

1. Василенко И.Д. Жизнь и приключения Заморыша / И.Д. Василенко. - М.: Детская литература, 1977. - 573 с.
2. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 3 е изд., репринтное / Е.М. Мелетинский. - М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 2000. – 407 с.
3. Мурина М.А. Чеховиана начала XX века: структура и особенности / М.А. Мурина // Чеховиана. Чехов и «серебряный век». – М.: Наука, 1996. - С. 15-22.
4. Рахтанов И. Следы борьбы / И. Рахтанов // И.Д. Василенко. Жизнь и приключения Заморыша. - М.: Детская литература, 1977. – 573 с.
5. Чудакова М.О. Чехов и французская проза XIX-XX вв. в отечественном литературном процессе 1920-30-х годов / М.О. Чудакова // Избранные работы, том 1. Литература советского прошлого. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 367-377.

ПРОБЛЕМА «УБИВАЮЩЕГО» СОЗНАНИЯ В РОМАНАХ А. МЕРДОК 1970-Х ГОДОВ

Тимонина Татьяна Юрьевна

*аспирант, Балтийский федеральный университет имени И. Канта,
Калининград*

Одним из важных мотивов в художественном творчестве А. Мердок является платонический мотив мира-пещеры как благоустроенной тюрьмы человеческого бытия. При этом важным аспектом пещерного хронотопа в романах Мердок является сущностная замена эйдетического света (который вслед за Платоном у Мердок метафорически воплощен в образах солнца и солнечного света) на искусственный свет огня, соотносимого с понятием «самости» («the self») [6, с. 135] и представляющего собой эгоистическое сознание, замкнутое на своей автономной субъективности. Герои Мердок сами создают вокруг себя пространство пещеры, отказываясь от диалога с Другим в «пустоте бытийной оставленности» [9, с. 188], подмеченной М. Хайдеггером в семиосфере западной культуры XX века. Духовное «поражение» [см.: 2], которое нередко терпят герои Мердок, напрямую сопряжено с проблемой бессилия любви в условиях поврежденности способности воли и сознания. Симптоматичность этой проблематики отражена в особой поэтике света Мердок, прежде всего, через знаковую женских образов – носительниц эйдетического света. В таких романах, как «Дитя слова» или «Святая и греховная машина любви», неспособность персонажей к «ясному взгляду» [10, с. 268] на сущность достигает поистине трагических масштабов.

В романе «Святая и греховная машина любви» (1974) смерть Софи (якобы от рака) становится самым страшным призраком, отравляющим покой Монти и не позволяющим ему, в том числе, стать настоящим писателем: «If only, he felt, he had not had to be so jealous, <...> he could have let Sophie, artless, thoughtless, brilliant, transform him into a human being, into an artist» [15]. Ближе к концу романа читатель узнает истинную причину смерти Софи и вызванную ею всепоглощающую вину Монти: «But I killed her. <...> Just out of anger or jealousy or spite or something. <...> then – all at once – I just couldn't stand it any longer her talk – her consciousness – and I took her by the throat and squeezed – and – then I stopped and – she was dead» [Там же]. С явной аллюзией на шекспировского Отелло, Монти у Мердок убивает единственный истинный свет, в котором заключена надежда на жизнь во Благае, невинную душу-Софию: «Until Sophie he had been only half alive. Sophie's little neat splendours, her bright-faced energy, her crazy joy had glorified him» [Там же]. Монти – один из «черных принцев» Мердок, сознание которого погружено во мрак. Выбирая жизнь «внутри себя, как в камере-одиночке» [5, с. 425], он обрекает на такую жизнь и других.

В «Дитя слова» (1975) убийцей бытия становится тот, кто, отрицая свет Блага и любви, признает лишь мертвые грамматики: «I discovered

words and words were my salvation. I was not, except in some very broken-down sense of that ambiguous term, a love child. I was a word child» [12]. Хилари Берд становится непреднамеренным убийцей дважды – оба раза гибнут любимые им женщины. В начале произведения по его вине в автокатастрофе погибает Энн Джойлинг, в конце романа ситуация повторяется с леди Китти: «We were alone. Kitty had gone. She had fallen over the edge, over the side of the jetty into the darkness below. <...> The darkness was almost impenetrable» [Там же]. Леди Китти затягивает в черноту речной трясины – «холодной пещеры, состоявшей из сумрака и густой сырости» [4, с. 593]. Впоследствии, переосмысливая произошедшее событие, Хилари приходит к выводу, что виной всему – его убийственный эгоизм: «When I was in the cold Thames I soon forgot about Kitty. The deepest me who knew of no one else was desperate to survive» [12]. Подобно другим «черным принцам» Мердок, Хилари остается возле горящего в пещере огня [см.: 6, с. 135], не находя в себе сил выйти на свет солнца и всякий раз делая неправильный выбор: «I saw where I had behaved badly, the selfishness, the destructiveness, the rapacity. But I could now see too how hopelessly this ‘penitence’ was mixed in with the grosser elements which composed almost all of me» [12]; «guilt sprang from the punishment rather than from the crime» [Там же].

В «Человеке случайностей» (1971) странная губительная любовь «леворукого» [см.: 7, с. 23] Остина к нимфоподобной Дорине превращается в любовь к смерти: «Austin had always meant death to her, he was her death and it was that in him which she loved» [13]. Остин видит в Дорине ангела, чистую душу, способную спасти его «от гибели в хаосе жизни» [7, с. 364]: «Some pure ray, perhaps even simply of pity, from that girl came uncontaminated to his heart» [13]; «He saw Dorina seated in the midst of gold like a Madonna in glory» [Там же]. Однако сам Остин, в силу все того же всепожирающего эгоизма, становится лишь «яростным волком-стражем» [7, с. 123], тюремщиком в таинственном «лунном» мире Дорины, а в конечном итоге – ее палачом: «Her only way back to the world was through her husband. Only here could magic be changed into spirit in the end» [13]; «Her life was Austin's and he would take it from her in his own ripening of time» [Там же].

Окончательный вывод в романе «Генри и Катон» (1976) делает священник: «Men cannot help each other, they cannot even see each other, nobody can be changed or saved even by the most extreme of loves» [14]. Катон опять-таки сам опускает «топор» на голову любимого человека (Красавчика Джо) – не «Люцифера, носителя света» [3, с. 312], «символа своего жизненного краха, сильнейшего искушения» [Там же], «эмиссара дьявола» [Там же], как ему когда-то казалось, а простого мальчишки «с наклонностями преступника» [Там же], которого Катон, однако, искренне любил: «Then the light of the candle appalled his eyes. He half fell, saw before him a kind of pulsating pink globe wherein two human bodies were struggling and writhing. <...> He brought the thick end of the metal pipe down with all his strength upon the back of Joe's head» [14]. Мотив поражения и смерти чело-

века «как духовного создания» [3, с. 472] в этом романе Мердок связан, прежде всего, с тем, что никто здесь ни для кого не является истинным светом: «And she felt with a sadness that she had lost him, not because he did not want her, but because she did not any more want him. In this darkness Henry gave no light» [14]. Концовка романа не оставляет никакого шанса на платонический анамнесис. Все здесь слепы и беспомощны. Здесь господствуют случай, смерть и животный страх – главный экзистенциал загнанных в ловушку метафорического подвала, а в конечном итоге, собственного сознания, персонажей Мердок. Истинное искусство, как следствие, тоже остается недостижимым, и ни корпящий над искусствоведческой работой по Макс Бекману Генри, ни пишущий стишки-хокку Люций так и не приходят к истинному творчеству: «All these feeble verses with which I've been covering the paper are just a substitute for the long hard struggle of real art, for the serious effort which I shall never make now» [Там же].

В романе «Море, море» (1978) тьма, царящая в сознании главного «мага» Чарльза Эрроуби материализуется из самого моря в виде отвратительного чудовища и заставляет героя Мердок взглянуть в лицо отражению своей сущности: «Out of a perfectly calm empty sea <...> I saw an immense creature break the surface and arch itself upward. At first it looked like a black snake, then a long thickening body with a ridgy spiny back followed the elongated neck. <...> The creature then coiled itself so that the long neck circled twice, bringing the now conspicuous head low down above the surface of the sea. *I could see the sky through the coils*» [16]. Одним из симптомов «синдрома Вавилонской башни» [8, с. 9], от которого страдают персонажи Мердок, является «самонадеянная решимость приписывать другим чувства, мысли и стремления, которых те не имеют» [Там же]. Желание героя «спасти» любимую Хартли от деспотизма ее неотесанного мужа натывает на протест со стороны самой Хартли, оказывающейся в полнейшей растерянности от неожиданного появления в ее жизни давнего знакомого. По словам критика С. Джордисона, герой Мердок «видит себя в качестве фигуры Просперо, отказавшегося от «магии» сцены и успешной карьеры в Лондоне, чтобы <...> учиться быть хорошим. <...> Однако вместо этого Чарльз демонстрирует своим поведением, насколько плохим он может быть. <...> В действительности ни у кого из персонажей романа, кроме Чарльза, нет убедительной внутренней жизни. До некоторой степени это может объясняться собственным сомнением Чарльза и его неспособностью увидеть реальный мир вне его собственного сознания» [11]. Хартли предстает в глазах Чарльза его единственной истинной любовью, его Беатриче, «жемчужиной» его мира: «Oh, my darling, how clearly I can see you now. <...> The light in the cavern is daylight, not fire. Perhaps it is the only true light in my life, the light that reveals the truth» [16]. Однако, в конечном итоге, этот образ оказывается еще одной иллюзией «волшебника», не разглядевшего реальную Харриет: «How much, I see as I look back, I read into it all, reading my own dream text and not looking at the reality... Yes of course I was

in love with my own youth... Who is one's first love?» [Там же]. Как подмечает кузен Чарльза Джеймс, «We are such inward secret creatures, that inwardness is the most amazing thing about us, even more amazing than our reason. But we cannot just walk into the cavern and look around. Most of what we think we know about our minds is pseudo-knowledge» [Там же]. Эгоистическое сознание Чарльза закрыто для эйдетического света Блага, свидетельством чему являются проецируемые его сознанием монстры.

Обозначенные идеи о поврежденности «ясного взгляда» в силу «оставленности сущего истиной бытия» [9, с. 188] и о губительности автономного сознания, отрезанного от света Блага, отраженные в произведениях Мердок, перекликаются с общекультурным диагнозом Х. Зедльмайра о «смерти света» [см.: 1] в западном искусстве XX века, в котором австрийский ученый увидел отражение духовного недуга современной западной цивилизации. Убийство бытийного света, воплощенного у Мердок, прежде всего, в женских образах, по нашему мнению, отражает этот диагноз. Каждый из персонажей Мердок, в конечном итоге, остается в собственной темной клетке, сплетенной из снов и иллюзий, доказывая экзистенциалистский тезис о бессмысленности всякого опыта перед лицом смерти.

Список литературы

1. Зедльмайр Х. Смерть света // Зедльмайр Х. Утрата середины / Пер. с нем. С.С. Ванеяна. М., 2008. С. 371 – 573.
2. Мердок А. Вполне достойное поражение / Пер. с англ. М. Абушика. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2009. 544 с.
3. Мердок А. Генри и Катон / Пер. с англ. В. Минушина. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. 496 с.
4. Мердок А. Дитя слова / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. 624 с.
5. Мердок А. Святая и греховная машина любви / Пер. с англ. Н. Калошиной. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008. 576 с.
6. Мердок А. Суверенность Блага / Пер. с англ. Е. Востриковой и Ю. Кульгавчук // Логос. 2008. № 1. С.117 – 137.
7. Мердок А. Человек случайностей / Пер. с англ. И. Трудолюбовой. М.: Эксмо, 2013. 512 с.
8. Скороденко В.А. Достоинство человека и хаос жизни (заметки о романах Айрис Мердок) // Мердок А. Сочинения: В 3 т. М., 1991. Т.1. С. 5 – 18.
9. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1993. С. 177 – 192.
10. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Историко-философский ежегодник. М., 1986. С. 255 – 275.
11. Jordison S. Booker club: The Sea, the Sea // The Guardian. 2009 [электронный ресурс]. URL:

<http://www.guardian.co.uk/books/booksblog/2009/feb/10/iris-murdoch-sea-booker> (дата обращения: 22.04.2016).

12. Murdoch I. *A Word Child*. L.: Vintage Classics, 2002. 400 p.
13. Murdoch I. *An Accidental Man*. L.: Vintage Classics, 2003. 400 p.
14. Murdoch I. *Henry and Cato*. L.: Vintage Classics, 2002. 368 p.
15. Murdoch I. *The Sacred and Profane Love Machine*. L.: Vintage Classics, 2003. 368 p.
16. Murdoch I. *The Sea, the Sea*. L.: Vintage Classics, 1999. 560 p.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

КОНЦЕПЦИЯ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И МЕСТО В НЕМ РОССИИ В ВОЗЗРЕНИЯХ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Буйло Борис Иванович

*профессор, доктор философских наук., Юридический институт
МГУПС Императора Николая II (МИИТ), профессор кафедры Обще-
ственные науки и профессиональная коммуникация, г. Москва*

Первым евразийским произведением можно считать книгу князя Н.С.Трубецкого «Европа и Человечество», изданную в Софии в 1920 году. В ней, правда, еще в неразвитой форме, уже содержались отдельные положения евразийской концепции. Однако как движение евразийство заявило о себе после выхода в свет в августе 1921 года в Софии сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». В него кроме вступления входили статьи четырех авторов: Н.С.Трубецкого, П.Н.Савицкого, П.П.Сувчинского и Г.В.Флоровского. Евразийство постепенно получает достаточно широкое распространение в русской эмигрантской среде.

В рамках этого направления кроме вышеназванных в 20-е годы работали такие авторы как: П.М.Бицилли, Н.Н.Алексеев, Л.П.Карсавин, Г.В.Вернадский, С.Л.Франк и другие представители как правого, так и в основном левого крыла русской эмиграции. Но из евразийского движения выходят Г.В.Флоровский и П.М.Бицилли, в конце 20-х годов происходит раскол на левых и правых евразийцев, их влияние в эмигрантской среде резко падает. Однако поставленные движением проблемы и варианты их решения сохранили свою актуальность для России и сегодня. Во вступлении к «Исходу к Востоку» Н.С.Трубецкой излагает общее видение евразийцами всемирно-исторического процесса. Его сущность состоит в отказе от рассмотрения всемирной истории в качестве однолинейного и однонаправленного процесса. «История – писал он – не есть для нас уверенное восхождение к некой до исторически предначертанной абсолютной цели, но – свободная и творческая импровизация, каждый момент которой исполнен не какого-либо задуманного в общем плане, но своего значения...»[3, с.312]. Более подробно понимание истории раскрывается Трубецким в его книге «Европа и Человечество».

Он отмечает, что всемирно-исторический процесс последние столетия развивается через борьбу цивилизаций: романо-германской и всего остального человечества. Предложенная европейскими историками схема общего и единого для всех народов пути развития является плохо скрываемой претензией романо-германского мира быть всеобщим мерилем культуры и прогресса. «Согласно такому представлению об эволюционной лестнице – подчеркивал Н.С.Трубецкой – романогерманцы и их культура представляют из себя действительно высшее, что до сих пор достигнуто людьми. Ко-

нечно, скромно добавляют романо-германские историки культуры, со временем человечество, может быть, пойдет еще дальше,...но на Земле в настоящее время мы, европейцы, совершеннее и выше всех»[4, с.46]. События мировой войны, экономическая и политическая экспансия романо-германского мира только подтвердили факт его противопоставления себя всему человечеству, тем цивилизациям и культурам, которые отличаются от европейской модели.

Однако после мировой войны у многих, по мнению Трубецкого, сложилось впечатление, что европеизация мирового сообщества неизбежна. Чтобы противостоять влиянию западного капитализма, его экономической и военной мощи, любая страна, как и цивилизация в целом, вынуждены развивать у себя промышленность и науку. Но осуществить это без заимствования европейского капиталистического уклада жизни невозможно. Следовательно, европеизация выступает необходимым условием сохранения независимости в современном мире. Однако ситуация, отмечал Трубецкой, не так безнадежна. В основе европеизации лежит отношение к европейской культуре с позиций эгоцентризма, то есть восприятие ее как аналога цивилизованной культуры вообще.

Поэтому, если неевропейские народы откажутся от принципа эгоцентризма, и будут относиться к достижениям романо-германской цивилизации как к условию обогащения и развития собственной национальной культуры, то европеизации не произойдет. «Смотря на романо-германскую культуру – писал Н.С.Трубецкой – лишь как на одну из возможных культур, они [народы – Б.Б.] возьмут из нее только те элементы, которые им понятны и удобны, и в дальнейшем будут свободно изменять эти элементы, применительно к своим национальным вкусам и потребностям, совершенно не считаясь с тем, как оценят эти изменения романогерманцы со своей эгоцентрической точки зрения» [4, с.86]. В силу своих культурных традиций и занимаемого ею географического положения Россия объективно становится главным препятствием на пути всеобщей европеизации мира.

По отношению к Европе, как впрочем, и Азии, Россия выступает самостоятельным культурным субъектом, синтезирующим достижения обоих центров мировых цивилизаций. Она представляет собой уникальный и особый мир. «Особый мир этот – отмечали евразийцы в Формулировке 1927 г. – должно называть Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии» [1, с.217]. Россия-Евразия становится рубежом противостояния гегемонизму Запада, порождая тем самым постоянную неприязнь к себе романо-германского мира и его плохо скрываемое стремление к максимальному ослаблению России.

В связи с таким пониманием места и роли России в мире перед евразийцами встала задача кардинального пересмотра всей ее истории, в

сравнении с тем, как она подавалась в русской европеизированной исторической науке. Свое государственное начало Россия-Евразия или СССР [«дело не в названии», пишет князь Н.С.Трубецкой] берет не от Киевской Руси.

Последняя выступает лишь в качестве одной из составляющих будущего Московского Царства. «Господствовавший прежде в исторических учебниках взгляд, - писал Н.С.Трубецкой – по которому основа русского государства была заложена в так называемой Киевской Руси, вряд ли может быть признан правильным... Киевская Русь не только не была по территории своей тождественна хотя бы с так называемой Европейской Россией, но даже не являлась на территории этой европейской России самой значительной единицей в политическом или хозяйственном отношении. Государства Хазарское [в низовьях Волги и на Дону] и Болгарское [в среднем течении Волги и по Каме], существовавшие одновременно с Киевской Русью, были хозяйственно и политически едва ли не значительнее ее»[5, с.223]. Степень централизации Киевской Руси, отмечал П.Н.Савицкий, была сильно преувеличена в русской исторической науке. Относительное политическое единство первой половины XI века быстро сменяется «удельным хаосом» последующих годов. Православие в Киевской Руси еще не было той духовной основой, которая бы могла обеспечить политическое единство государства.

Киевская Русь духовно зависела от Византии, являясь в то же время политической окраиной Европы. Она не смогла оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления монголо-татарскому вторжению. «Ту беспомощность, – подчеркивал П.Н.Савицкий – с которой Русь предалась татарам, было бы нелогично рассматривать, как «роковую случайность»; в бытии дотатарской Руси был элемент неустойчивости, склонность к деградации, которая ни к чему иному, как чужеземному игу, привести не могла... Велико счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, и не кому другому. Татары – «нейтральная», культурная среда, принимавшая «всяческих богов» и терпевшая «любые культуры», пала на Русь, как наказание Божие, но не замутила чистоты национального творчества» [2, с.124]. Если бы Россию захватили турки, то ее доля, учитывая их «иранский фанатизм и экзальтацию», была бы намного труднее и хуже. Запад же, захватив Россию, по мнению Савицкого, вынул бы из нее душу.

У татар русские научились государственной устойчивости, основанной на сильной, деспотической власти. Татары передали русским умение становиться могущественной ордой.

После распада монголо – татарской империи, московские князья, а затем цари, принимают от татар планетарную, геополитическую миссию. Московская Русь, существовавшая вначале в составе джучиева улуса, постепенно освобождается от татарской зависимости, и сама подчиняет себе Казань, Астрахань и Сибирь. Территории прежней Золотой Орды опять

объединяются, но уже со столицей не в Сарае, а в Москве. Становящееся новое Московское Царство, органически сочетает в себе византийское православие с заимствованным в основных чертах от монголов государственным строем. Оно идеологически и политически радикально противостоит романо-германскому миру.

Русские цари, постепенно расширяя границы России до пределов прежней империи Чингисхана, тем самым заново объединяют Евразию в единое государство, осуществляя то, что было предначертано судьбой населяющих ее народов. Ядром будущей евразийской нации, туранской по духу, становятся, частично перемешавшись с монголами, великороссы. Оставаясь по языку и расе славянами, они приобретают многие национальные черты характера, свойственные их прежним завоевателям. Духовной основой объединения евразийских земель в единое государство становится русское Православие. При этом все другие ветви христианства и религии евразийцы рассматривали в качестве разновидностей язычества. Последнее «есть потенциальное Православие».

В военном и экономическом отношении Московская Русь сильно отставала от стран Западной Европы, поэтому, чтобы ликвидировать это отставание, ей необходимо было заимствовать западную промышленность и военное дело.

Естественно, что сделать это нужно было только при условии сохранения собственной самобытной культуры. «Выполнение задачи заимствования европейской техники – писал Н.С.Трубецкой – взял на себя Петр I. Но задачей этой он увлекся настолько, что она для него обратилась почти в самоцель, и никаких мер против заразы европейским духом он не принял. Задача была выполнена именно так, как не надо было ее выполнять, и произошло именно то, чего следовало больше всего опасаться: внешняя мощь была куплена ценой полного культурного и духовного порабощения России Европой»[5, с.261]. Осуществляется процесс насильственной европеизации России, но в отношении к обществу он затрагивает только его верхние слои.

Простой народ продолжает жить обломками прежней национальной культуры, барин противостоит ему уже не просто социально, но и как носитель чужой культуры. Начиная с Петра, власть Романовых для России превращается в «романо-германское иго». Российская империя продолжает расширять свои границы за счет евразийского пространства, но вместо прежнего, основанного на самобытной культуре, освоения новых территорий, осуществляются попытки их европеизированной русификации.

Это порождает неприязнь и отчуждение между русским и нерусскими народами России. Усваивая русифицированный вариант европейской культуры, они инстинктивно чувствуют, что копия, тем более пародированная, всегда хуже оригинала. Поэтому евразийские народы начинают относиться к России как второсортной Европе. В глазах российской элиты простой русский народ воспринимается как нецивилизованный и темный.

Россия превратилась в общество, где низы чувствовали себя «как бы под иноземным игом», а верхи относились к собственной стране как к завоеванной ими, то есть как к «колонии». «Таким образом – подчеркивал Н.С.Трубецкой – революция и свержение императорской власти становились неизбежны.» [5, с.275].

Мировая война только ускорила этот процесс, придав ему более кровавый и грубый характер. Отношение евразийцев к русской революции отличалось как от ее оценок представителями правого, монархического крыла русской эмиграции, так и либерально-демократического. Монархисты видели в революции и большевизме результат иудейско-масонского заговора, инспирированного Западом. Либералы наоборот рассматривали большевизм в качестве продукта ничего не созидающей, разрушительной народной, солдатско-мужицкой стихии.

И те и другие в большинстве своем выступали за немедленное свержение советской власти, с помощью, в том числе иностранной интервенции. Против подобного подхода резко выступили евразийцы, считая его предательством национальных интересов русского народа. При всем своем несогласии с большевизмом они отмечали, что он на данный момент являлся единственной политической силой, способной объединить все народы России против гегемонизма Запада. «Евразийство – отмечал Н.С.Трубецкой – сходится с большевизмом в отвержении не только тех или иных политических форм, но всей той культуры, которая существовала в России непосредственно до революции и продолжает существовать в странах романо-германского Запада, и в требовании коренной перестройки всей этой культуры» [6, с.406].

Объединив элементы западного коммунистического учения с глубинным стремлением русского народа к построению идеала справедливого общества, большевизм смог заручиться поддержкой народных масс. Поэтому, подчеркивали евразийцы, рассчитывать на какое-либо серьезное народное антибольшевистское движение в России в обозримом будущем было нереально.

В связи с этим тем, кто собирается свергнуть советскую власть, придется, по мнению Трубецкого, обратиться за помощью к иностранным державам; причем помощь эта должна будет быть широкомасштабной и долговременной, учитывая тяжелое экономическое положение страны в начале 20-х годов. «Можно ли представить себе, - писал он – что эти самые иностранцы, помогши России «восстановиться» и стать на ноги, любезно поклонятся и отойдут в сторону?... Те романо-германские державы, которые окажут России помощь, точнее – будут оказывать России помощь, ибо помощь требуется продолжительная, сделают это, конечно, не по филантропическим побуждениям и постараются поставить дело так, чтобы в обмен на эту помощь получить Россию в качестве своей колонии» [7, с.49-50]. При этом, учитывая современные возможности экономической и политической экспансии, а так же то, что в любом, в том числе и русском

обществе, всегда найдутся люди, которые «без зазрения совести» пойдут на службу к иностранцам, необходимости в формально-правовом объявлении России колонией не будет.

Юридически Россию оставят независимым государством, полностью экономически подчинив ее западным странам. Это позволит им практически неограниченно и за во многом символическую плату использовать природные богатства и национальные ресурсы России.

В случае свержения в ней власти большевиков и реставрации капиталистических отношений отмеченная выше ситуация станет неизбежной, так как экономическая разруха в условиях ни кем не контролируемой конкуренции автоматически сделает экономику России целиком зависимой от Запада. «Прибавим ко всему этому и то, - подчеркивал Н.С.Трубецкой – что первое время приход иностранцев будет связан с некоторым улучшением материальных условий существования, далее, что с внешней стороны независимость России будет оставаться как будто незатронутой, и, наконец, что фиктивно-самостоятельное, безусловно-покорное иностранцам русское правительство в то же время будет несомненно чрезвычайно либеральным и передовым. Все это, до известной степени закрывая суть дела от некоторой части обывательской массы, будет облегчать самооправдание и сделки с совестью тех русских интеллигентов, которые отдадут себя на служение поработившим Россию иностранцам» [7, с.54].

Однако основная опасность для России, по мнению Трубецкого, будет состоять даже не в самом факте ее политической и экономической зависимости, а в том, что, стремясь найти объяснение этому факту, русская интеллигенция обязательно его найдет в «присущей» ее народу отсталости и лени. Так ей будет легче и морально оправдать свою службу иностранцам. «А по этому пути – отмечал князь Н.С.Трубецкой – можно уйти далеко: сначала – совместная с иностранцами помощь голодающему населению, потом служба [разумеется, на мелких ролях] в конторах иностранных концессионеров, в управлении иностранной «контрольной комиссии над русским долгом», а там и в иностранной контрразведке и т.д.» [7, с.54]. Наличие внешне политически независимой власти в стране будет даже выгодно иностранцам.

Интересы Запада в России станут обеспечиваться самими же русскими. Их руками иностранцы смогут не только эксплуатировать, но и контролировать и держать в узде русский народ, вся ненависть которого за его унижения и нищету будет при этом обращена на собственную власть. Запад же в глазах русских людей все больше станет ассоциироваться с образом сытой и цивилизованной жизни.

Все перечисленное выше необходимо отчетливо представлять тем, считали евразийцы, кто собирается свергать советскую власть в России путем восстановления в ней буржуазных отношений. «Готовить себя – писал Н.С.Трубецкой – к участию в будущем правительственном аппарате «восстановленной» и «освобожденной от советской власти» России? Но мы

знаем, какой это будет правительственный аппарат: с виду – настоящая русская власть, а фактически – проводник иностранной колониальной политики. Кому может улыбнуться работа в таком «аппарате»? Мелким честолюбцам, стремящимся к атрибутам власти, хотя бы фиктивной? Или беспринципным авантюристам, мечтающим обеспечить личное благополучие, хотя бы ценою собственного позора и гибели родины? Такие люди всегда были, есть и будут. Не для них, конечно, мы пишем все это. Пусть готовятся к своей будущей работе; помешать им в этом невозможно. Но пусть у других откроются на них глаза, пусть знают все, что это – предатели» [7, с.56].

Князь Н.С.Трубецкой отмечал, что могут «найтись и честные, идейные люди», которые войдут в подобное русское правительство с целью развала его изнутри и создания условий для национального возрождения. Их будет вдохновлять образ Ивана Калиты. Однако последний, будучи политически подчиненным Орде, обладал экономической независимостью от нее. Поэтому он мог копить средства для освобождения родины и создания сильного Московского государства.

У него не было никаких татарских представителей и комиссий, контролирующих каждый шаг. «Положение честного русского человека – считал Н.С.Трубецкой – в правительстве будущей, порабощенной романо-германцами России, будет гораздо труднее. Он будет делить власть с «кабинетом», состоящим преимущественно из упомянутых выше честолюбцев и проходимцев, из которых каждый с большим удовольствием свергнет своего сослуживца, дискредитировав его в глазах всемогущих иностранцев. Сами эти иностранцы будут неусыпно и зорко следить за деятельностью правительства через своих официальных представителей... В такой обстановке деятельность нового Ивана Калиты вряд ли окажется очень продуктивной» [7, с.56]. Но главное, что в условиях всеобщей деградации и неверия в собственные силы, которые неизбежно будут складываться среди широких народных масс в результате проводимых прозападной властью провокаций и системы искусной пропаганды, попытки национального освобождения и возрождения не получат массовой поддержки в обществе.

В заключении хотелось бы отметить, что одним из основных положений евразийской концепции является утверждение естественноисторической обусловленности границ России-Евразии. Подлинное возрождение России, считали евразийцы, возможно только на основе учета нужд и потребностей ее народа. Если же ставить выше их групповые или корпоративные интересы, то не только возродить, но даже частично восстановить страну, будет невозможно.

Список литературы

1. Евразийство (Формулировка 1927 г.). // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука. 1993.

2. Савицкий П.Н. Степь и оседлость. // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука. 1993.
3. Трубецкой Н.С. Вступление-Исход к Востоку. // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга. 1992.
4. Трубецкой Н.С. Европа и Человечество. // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф. 1999.
5. Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока - Наследие Чингисхана. // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф. 1999.
6. Трубецкой Н.С. Мы и другие - Наследие Чингисхана. // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф. 1999.
7. Трубецкой Н.С. Русская проблема. // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука. 1993.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

© 2016

МОДЕЛЬ СТАЛОГО РОЗВИТКУ

Гук О.В.,
аспірант

київський науково-дослідний інститут інформатизації та економічного моделювання (Україна, м.Київ)

МОДЕЛЬ СТАЛОГО РАЗВИТИЯ

Автор: **О.В. Гук**, аспирант

киевский научно-исследовательский институт информатизации и экономического моделирования (Украина, Киев)

SUSTAINABLE DEVELOPMENT MODEL

Author: **O.V. Hooke**, graduate student

*kyiv research economic institute informatization and the economic modeling
(Ukraine, v.Kiev)*

Анотація. Сталий розвиток сьогодні – запорука якісного життя завтра. Не дарма всі зусилля публічної влади спрямовані на забезпечення сталого розвитку, оскільки він має ціленаправленість на забезпечення якості життя людини, як в економічному, так і екологічному та соціальному вимірах.

Аннотация. Устойчивое развитие сегодня – залог качественной жизни завтра. Не зря все усилия публичной власти направлены на обеспечение устойчивого развития, поскольку он имеет целенаправленность на обеспечение качества жизни человека, как в экономическом, так и экологическом и социальном измерениях.

Abstract. Sustainable development today – the key to quality of life tomorrow. No wonder all the efforts of public authorities towards sustainable development, because it has cleanprint to ensure the quality of human life, both in economic and environmental and social dimensions.

Ключові слова: концепція сталого розвитку, природно-ресурсний фактор, зведений (інтегральний) індекс конкурентоспроможності.

Ключевые слова: концепция устойчивого развития, природно-ресурсный фактор, сводный (интегральный) индекс конкурентоспособности.

Key words: conception of steady development, naturally-resource factor, principles of steady development of economy, summary (integral) index of competitiveness.

Конкурентоспособность национальной экономики – это способность экономической системы обеспечивать за любого влияния внутренних и внешних факторов социально-экономическую оптимальность,

которая проявляется в высоком общественном эффекте. Среди проблем, которые сдерживают процесс развития Украины в условиях глобализации существуют проблемы регулирования, а именно: отсутствие структуры более высокой иерархии, способной снять кризисные явления; уменьшение роли государства; неэффективность действующих экономических инструментов и рычагов стимулирования внедрения экологически безопасных, энергосберегающих и ресурсосберегающих технологий; отсутствие комплексности в решении задач рационализации природопользования и охраны природы. Существенными для Украины факторами, которые тормозят ее развитие, также являются: несогласованность в развитии родственных отраслей экономики, в т.ч. финансового сектора, структурная разбалансированность экономики, отсутствие четкой программы реформ, направленных на создание оптимального режима для развития экономики [2].

Сущность концепции устойчивого развития положена в его миссии и целях, сформированных по трем главным аспектам: экономическому, социальному и экологическому. Сегодня природно-ресурсный фактор влияет значительное влияние на развитие страны и ее экономики, в частности. Однако, стоит отметить, что вопрос его эффективного использования и развития часто остаются вне внимания как чиновников, субъектов хозяйствования, научных работников, так и самого социума, что значительно негативно влияет на определение перспектив устойчивого развития.

Главной целью устойчивого развития является обеспечение высокого качества жизни и здоровья людей, их экологической и социальной защищенности за счет сбалансированного, социально-экономического и экологического развития, рационального использования природно-ресурсного потенциала страны с учетом возможностей удовлетворения соответствующих потребностей в природных ресурсах будущих поколений [3]. Основными перспективами дальнейшего повышения конкурентоспособности экономики Украины в реальном секторе экономики могут обеспечить реформы в высшем образовании, увеличение финансирования научных работ на внедрение энерго- и ресурсосберегающих технологий за счет бюджетов всех уровней, создания технопарков, технополисов, кластеров, инновационного развития экономики. И для этого считается целесообразным, прежде всего, разработать стратегию конкурентной экономики, которая бы базировалась на следующих мероприятиях: сочетании монетарной стабильности с экономическим ростом; перехода к стимулирующей функции государственных финансов; развитию механизмов долгосрочного кредитования; поощрении инновационных процессов; формировании эффективной институциональной структуры экономики, детенизации экономики [4].

Список літератури:

1. Горбаль Н. І. Оцінювання конкурентоспроможності української економіки / Н. І. Горбаль, О. І. Дорош, Л. В. Іванець // Вісник національного університету "Львівська політехніка". – 2010. – № 691. – С. 310–314.
2. Юрпалов С. Конкурентоспособность территориальной системы: сущность и методы оценки / С. Юрпалов // Интеграция: власть, наука, производство. – 2003. – № 1. – С. 33–37.
3. Ханнаков К. М. Анализ факторов и оценка конкурентоспособности регионов/ К. М. Ханнаков // Вестник ОГУ 2011. – №8 (127).
4. Крючкова І. В. Концепція Державної програми підвищення конкурентоспроможності національної економіки на 2007–2015 рр. / І. В. Крючкова. – К. : ДУ «Інститут економіки та прогнозування» НАН України, 2007 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.iee.org.ua/ru/publication/85>.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Корниенко Сергей Андреевич

Магистрант

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Миграционные процессы как социальное явление являются одним из самых традиционных объектов внимания социологии со времени ее возникновения. В американской социологии серьезные эмпирические исследования этом направлении стали проводиться еще в начале XX века и, в конечном итоге, привели к созданию знаменитой Чикагской школы, представители которой изучали движение и «вживание» в американское общество отдельных этнических групп, их внутренние проблемы, дискриминационные отношения, межнациональные связи и др. положению афроамериканцев, дискриминации, межнациональным бракам и т. д. Конечным итогом этих исследований стала разработанная Р. Парком теория ассимиляции мигрантов, которая стала базовой для дальнейшего ее развития и критики. С позиций позитивистского подхода Р. Парк, Э. Бёрджес, М. Тодаро и другие рассматривали миграцию как результат индивидуального рационального выбора, зависящего от целого ряда факторов – географических, экономических, экологических. Данный подход обосновывал идею о том, что миграция зачастую выступает как показатель и ускоритель социальной мобильности.

Западноевропейские теории появились позже американских и стремительно стали развиваться в 50-е гг. XX века под давлением обстоятельств, вызванных послевоенной миграционной волной, захлестнувшей Европу. Поскольку процессы миграции захватывали разные стороны жизнедеятельности как мигрантов, так и принимающих сообществ, то приходилось

прибегать и к разным методам исследований. Как отмечает В.П. Василенко, в развитии направлений миграционных исследований можно выделить концепцию мобильного перемещения населения Э. Равенштайна и его последователей, теорию факторного влияния на миграцию Эверетта С. Ли, концепцию миграционного культурного перехода В. Зелински. К концу XX – началу XXI вв. особое внимание обращается на глобализационные, гендерные аспекты миграции, возможности построения математических моделей миграции и т.д. [3].

Глобализация миграции потребовала принципиально новых подходов к осознанию миграционной реальности. В содержательном отношении исследование глобальных процессов миграции сопряжено с созданием новых теоретических схем, новых понятий, объясняющих современные тенденции миграции и методологию их изучения. С помощью традиционных и современных методов исследования, создаются модели миграционных процессов, в которых учитываются не только географические, демографические, политические, экономические факторы, но и культурные связи, социальные отношения, динамика групповых статусов и т.д. Столь пристальное внимание к деталям миграционных процессов стало основанием для «создания общей теории миграции или теорий среднего уровня» [1, с. 8].

На ее основе были созданы синтетическая теория миграции Д. Массея, акцентирующая внимание на изменении мотиваций международных мигрантов, и концепция транснациональной миграции Ш. Глика, в которой обращено внимание на включение мигрантов в новое сообщество [1]. Обе концепции интересны тем, что они завершают создание междисциплинарного подхода, который интегрирует в единую систему накопленные знания о миграции и дают возможность анализировать не только сам процесс миграции, но и его социальные и индивидуальные последствия.

Взгляды американских и западноевропейских исследователей миграции во многом повлияли на теории миграции в российской социологии. Однако, как и в зарубежной социологии, при ближайшем погружении в проблему возникает трудность определения самого понятия миграции. По замечанию Л. Рыбаковского, исследования миграции в СССР и в постсоветской России скорее мобильности населения, а не миграции [10, с. 228].

Но замечание не совсем корректное. Изучение миграционных процессов в российской социологии можно разделить на два периода: исследования миграции в советской и постсоветской социологии. В период СССР изучение миграции было действительно связано с перемещением и размещением населения, а вернее с размещением трудовых ресурсов, каковыми и представлялось население, а также с его производством и воспроизводством. Изучались изменения места в географическом, территориальном пространстве, в том числе изменения места обитания, работы и жизни. Классификация видов, форм, причин, факторов, отличительных особенностей от других перемещений предпринимались в рамках экономических

или демографических подходов [2; 6; 11]. Такой подход был обусловлен жесткими рамками дисциплинарных границ и парадигмальными представлениями классических теорий миграции, с которыми были знакомы российские ученые.

Как отмечает Т.Н. Юдина, результатом подобного подхода являлась известная фрагментация полученных знаний, не всегда удачные попытки их превращения в целостную теоретическую концепцию. Конечно, это в некоторой степени объяснимо, поскольку миграционные процессы слишком разнообразны и многофакторны, чтобы получить убедительное объяснение с позиций лишь какой-то одной научной теории [13]. Односторонний взгляд на миграционную подвижность населения, не создающий подходы к анализу влияния миграции на целостную жизнедеятельность общества и тех социальных отношений, которые формируются под воздействием миграционных процессов.

Но, с другой стороны, благодаря глубоким исследованиям советской школы миграции были разработаны критерии идентификации миграции, классификация миграционных потоков, системы взаимосвязей миграции с воспроизводством и занятостью населения, его расселением, социальной мобильностью, национальными отношениями.

Во многом этот мобильный подход используется и в современной социологии. Но, как правило, этого недостаточно. Миграция не сводится только к мобильности.

Современные исследователи обращают внимание на многие факторы, влияющие на миграционные процессы. Вместе с изменением географического пространства происходят изменения в социальном пространстве, социальных контактах и расстояниях между мигрантами. В результате изменения места обитания происходит изменение в субъектах социальных контактов и характера контактов. Некоторые социальные дистанции становятся более глубокими, другие исключаются (отношения с бывшими знакомыми меняются, приобретаются новые знакомства).

Смена места в социальной или территориальной группе может касаться лиц, семьи, или даже целых социальных групп, как правило, национальных или этнических. В зависимости от того, кто вносит изменения – индивид или группа, последствия миграции могут иметь разный характер.

Мигрирующие индивиды вносят изменения во многие или почти все общественные отношения. Мигрирующая группа (например, семья, друзья) могут внести незначительные корректировки внутри группы. Новые отношения образуются только за пределами группы, таким образом, индивидуальные последствия миграции для мигрирующих в группе, могут быть меньше, чем в случае индивидуальной миграцией. Изменения в социальном положении мигрантов и последствия для их доходов или расходов зависят также от характера миграции.

Среди трудов российских ученых, внесших вклад в разработку проблем миграции следует, в первую очередь, отметить работы Г.С. Витков-

ской, Ж.А. Зайончковской, Е.В. Тюрюкановой, В.А. Ионцева, Т.Н. Юдиной и др [4; 5; 7; 8; 9; 10; 12].

Особенностью последних двух десятилетий является смещение акцентов в исследованиях с внутренней на трансграничную миграцию, с которой Российская Федерация столкнулась в начале 90-х годов и проблемы которой не решены в полной мере и до настоящего времени. Закономерно возникла постановка ряда новых вопросов, таких как гендерные составляющие миграционных процессов, нелегальная и незаконная миграция и ее последствия, «утечка умов» и т.д.

В современном социологическом дискурсе достаточно хорошо проработаны общетеоретические вопросы миграции и социальной адаптации мигрантов. Многие работы последних лет посвящены поиску оптимальной миграционной политики и методам регулирования миграционными процессами.

Несмотря на разностороннюю тематику исследований, в российской социологической науке не сложились собственные теоретические модели миграции. Это связано с тем, что изучение миграции в России остается эмпирически ориентированным, в то время как западная социология перешла на уровень моделирования и теоретизирования, используя для этого весь спектр социологических подходов, начиная от позитивизма и заканчивая структурализмом и деконструктивизмом.

Подводя некоторые итоги исследования можно сделать вывод, что российские социологи следуют в изучении миграции в русле общемировых традиций. Как и в США и Западной Европе российские исследователи проходят путь сбора эмпирической базы, проявляя интерес к расселению, культуре, уровню образования, отношениям с принимающими сообществами и т.д.

Вместе с тем следует отметить, что несмотря на общность изучаемых проблем, российская социология демонстрирует принципиально различные подходы к их решению, например, в вопросах социальной адаптации, применения моделей ассимиляции или мультикультурализма, влияния религиозных факторов или образования на успешную интеграцию и т.п. Это оставляет значительный простор для продолжения эмпирических исследований, а также для разработки теоретических обобщений.

Список литературы

1. Блинова М.С. Современные социологические теории миграции. Автореферат дис.... М., 2008. 181 с.
2. Боярский А.С. Валентей Д.И. Кваша А.Я. Основы демографии. – М, 1980.
3. Василенко П.В. Зарубежные теории миграции населения //Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С.36-42.

4. Гришанова А.Г., Красинец Е.С. Трудовая миграция и миграционная политика в современном российском обществе // Миграционное право. 2014. № 1. С. 26-31.
5. Зайончковская Ж.А. Трудовая миграция в России // Отечественные записки. 2003. №3. С. 177-188 .
6. Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования, 1978. № 1.
7. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8-22.
8. Мальцева Е.С. Региональная трудовая миграция: современное состояние и проблемы регулирования. Орел, 2013.
9. Моисеенко В.М. Снижение масштабов внутренней миграции населения России: опыт оценки динамики по данным текущего учета // Вопросы статистики. 2004. № 7. С. 47-56.
10. Рыбаковский Л.Л. Исследования миграции населения в России // Социология в России / под ред. В.А. Ядова, М.: На Воробьевых, 1996. С. 215–235.
11. Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978.
12. Юдина Т.Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. М., 2006.
13. Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Демография. 2002. С. 102-109.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК МЕТОД ПОСТИЖЕНИЯ ПРОШЛОГО: АКТ ВСПОМИНАНИЯ В КОНСТРУИРОВАНИИ НАРРАТИВА ПАМЯТИ

Рунаев Тимофей Александрович

студент, Кубанский государственный университет, Краснодар

В современной исторической науке при рассмотрении конструирования нарратива выделяются два вида воспоминания: «меня-память» и «я-память»

[2, с. 128]. Первый вид воспоминания имеет пассивный характер, он создает представления о прошлом с помощью каких-либо катализаторов: звуков, фотографий, запахов, материальных предметов жизненного мира. Например, таким ферментом памяти могут выступать наручные часы, которые подарил дорогой нашему сердцу человек, поэтому, когда мы опускаем на них свой взор, перед нами появляется образ индивида, сделавшего данный подарок, событие, к которому приурочен этот презент, и т.д. В качестве катализатора выступают также места пространства, которые являются мостом между прошлым и настоящим, ибо, посмотрев на улицу, на которой находился наш отчий дом, мы вспоминаем о нашем детстве, о родителях и о друзьях тех славных лет. Если выражаться просто, то благодаря таким маячкам мы окунаемся в память прошлого и достаем оттуда то, что велит нам вспомнить предмет.

На другом полюсе находится активная «я-память», которая характеризуется сознательным воспоминанием прошлого, в результате чего происходит осмысление прожитой жизни и её объяснение. Именно здесь имеет место явное конструирование собственной идентичности, для чего человек сознательно совершает усилие: ищет воспоминания в памяти и, упорядочивая их, создает конкретный рассказ. В итоге, если «меня-память» – это произвольный звук струны, который не поддается нашему контролю, то «я-память» – это симфония, которую создает человек лично [2, с. 132].

В исторической науке эту симфонию, показывающую, как люди создают свое прошлое в собственном сознании с позиции сегодняшнего дня, рассматривает, так называемая, «устная история», формирование которой в качестве самостоятельной отрасли исторической науки во второй половине XX в. обусловили три фактора. Во-первых, появление и распространение технических средств звуко- и видеозаписи, позволяющих проводить сбор устной информации. Во-вторых, расширение связей истории с другими социогуманитарными науками, создавших новую междисциплинарную методологическую основу. В-третьих, понимание неспособности классической источниковедческой базы раскрыть субъективные стороны жизни прошлого [10, с. 33-35].

С переориентацией исторических интересов на историю простых людей появляется потребность в «заполнении лакун», которые не освещаются в письменных источниках [5, с. 8-9]. Для того же, чтобы восполнить белые пятна на карте прошлого, необходимо окунуться в субъективное восприятие мира людских масс, что можно сделать при помощи «качественного исследовательского интервью» [4, с. 11]. Именно в процессе такого действия происходит формирование нарратива памяти, то есть конструкции в виде устного рассказа. Однако необходимо учитывать, что нарративное воспоминание не есть след прошлого в чистом виде. Ведь наша память не способна удерживать в себе огромное количество воспоминаний, поэтому индивиды из множества событий прошлого выбирают только те, которые для них кажутся наиболее значимыми для воспоминания [3, с. 60]. Более того, с течением времени воспоминание о каком-то событии подвергается трансформации: наслаиваются новые факты, изменяются акценты, в акт воспоминания вмешивается фантазия [9, с. 12]. В итоге воспоминание становится уже не частью самого прошлого, а его видоизмененной проекцией.

Нужно также понимать, что при проведении интервью, как заметил современный исследователь С. Квале, происходит «постмодернистское конструирование». Согласно этому утверждению, знание не существует отдельно ни внутри личности, ни вовне её. Знание создается в результате взаимодействия между людьми. Посредником же взаимодействия выступает язык, поэтому от того, какими словесными формами будет выражена мысль и как она будет понята другим субъектом, зависит содержание знания [4, с. 48-52]. Таким образом, «я-память», которая конструирует устный нарратив, обуславливается не только рассказчиком, но и историком, с которым происходит диалог, поскольку в результате интервью одна сторона постоянно влияет на другую.

Когда информант вспоминает событие из своего прошлого, то он активно использует автобиографическую память, с помощью которой и происходит осознание собственной идентичности. Она позволяет индивиду переместиться в прошлую ситуацию, тем самым прожить и прочувствовать её заново. Поэтому при моменте воспоминания рассказчик существует сразу в двух реальностях: он предстает в качестве субъекта, существующего в состоянии «здесь и сейчас» и выстраивающего нарратив, и одновременно является героем рассказа, жизнь которого проживает вновь [6, с. 23]. Отсюда и возникает проблема многослойности воспоминания: когда реальные исторические факты смешиваются с мировоззренческими позициями сегодняшнего дня.

Было бы неверно полагать, что устный нарратив - это цепь изолированных друг от друга событий. Наоборот, рассказ о жизни, по заданной историком проблеме, всегда представляет собой последовательность связанных тем, которые образуют сеть перекрестных ссылок [7, с. 328]. Иными словами, вспоминаемая тема может быть соединена с другими эпизодами из опыта каких-либо других индивидов. Но при конечном продукте

образуется логически цельный нарратив, существующий в собственном феноменологическом состоянии «здесь и сейчас».

Несмотря на то, что устный нарратив представляет органичное повествование, все же процесс его интерпретации усложняет факт «замалчивания» многих событий информантом в результате выстраивания рассказа. Иначе говоря, человек сознательно утаивает какую-либо информацию, которая, по его мнению, не должна оглашаться и передаваться другому лицу. С небольшой долей иронии представитель современной философской мысли Ф.Р. Анкерсмит на этот счет говорит, что, прибегая к акту вспоминания, информант «хорошо знает, где и когда он не хочет находиться» [1, с. 371]. И задача историка заключается не только в том, чтобы понять, что «замалчивается», но и в том, почему факты прошлого умышленно остаются в глубоком молчании.

В связи со сказанным встает вполне закономерный вопрос: как выявить и изучить «замалчивание»? Наверное, ответов может быть множество, однако мы доверимся выводам классика устной истории П. Томпсона, согласно которым вся разгадка заключена в нарративе. Когда человек пытается уклониться от отдельных эпизодов, запечатленных в памяти, когда он старается на ходу заретушировать определенные воспоминания, то в рассказе сразу же появляется много «противоречий, несоответствий и анахронизмов», которые сочетаются с общими стереотипными конструкциями, приукрашивающими нарратив [8, с. 270-271].

Таким образом, при использовании устно-исторического подхода необходимо учитывать сущность воспоминания и его особенности при выстраивании нарратива индивидуальной и коллективной памяти. Только при таком взгляде историк становится способным понять структуру памяти отдельно взятого человека и изучать воспоминания о событиях, произошедших в рамках определенной социальной группы.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003. 396 с.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. 328 с.
3. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 51-63.
4. Квале С. Исследовательское интервью. М., 2003. 301 с.
5. Лоскутова М.В. Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С.5-31.
6. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М., 2000. 320 с.

7. Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 322-354.
8. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003. 270 с.
9. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. 296 с.
10. Щеглова Т.К. Устная история. Барнаул, 2011. 364 с.